

современный любовный роман

ЕЛЕНА ФИЛОН

Шакалота:

цена свободы!

16+

Елена Филон

Шакалота. Цена свободы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36326741

SelfPub; 2019

Аннотация

Максим Яроцкий пережил страшную трагедию. Больше он не тот парень, которого все любили. Мало кто знает, какую опасную игру он ведёт, считая это расплатой для тех, кто обязан понести наказание. Это тайная игра на прохождение заданий посредством шантажа, в которую втянули мою сестру и изнасиловали. А следом втянули и меня. Я понятия не имею, какой компромат нашёл на меня Макс и за что так поступает с девчонкой, которой год не было в городе, но, вернуться в школу и пройти игру, всё, что мне остаётся, чтобы докопаться до истины и помочь сестре. А ещё, у меня тоже есть секрет. Вот только я понятия не имела, насколько он страшный.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	24
Глава 4	49
Глава 5	66
Глава 6	70
Глава 7	88
Глава 8	106
Глава 9	111
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Вторая часть дилогии

Все герои вымышленные.

Любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

Глава 1

Вновь чай какой-то странный. Вновь вкуса не чувствую. Помешиваю ложечкой сахар, который в этот раз совершенно точно насыпала, и смотрю, как кружатся маленькие чайники.

Тётя Алла сидит напротив и пьёт уже вторую кружку. Думает, я не вижу, как она подливает в неё что-то из фляжки, но так и мне проще – делать вид, что не замечаю. Глаза на неё поднять стыдно почему-то, и дело не только в разгромленной квартире, в слове родителям, которые мы с Полиной не сдержали, и даже не в Косте... Нет, в какой-то степени и в Косте тоже, но главная причина неловкости – это всё же он, Яроцкий.

– Мне так жаль, Лиза, – голос тёти Аллы звучит всё более сожалеюще. Робко поднимаю на неё глаза и смотрю, как делает глоток чая. Макияж, как всегда, идеален. Удивительно длинные ресницы для её возраста, мама говорит, что это свои – не наращённые. Высокие скулы подчёркнуты румянами цвета бронзового загара, которые придают лицу тёти Аллы хоть немного живости, сама по себе она даже Яроцкого бледнее, будто в том же воображаемом мною подвале всё лето просидела. На губах матовая помада бордового цвета, ногти длинные, ухоженные, светлый деловой брючный костюм будто на заказ сшит, тёмные волосы убраны в высокую

причёску. Только вот украшений на тёте Алле никогда нет: ни серёжек, ни даже кольца обручального. Мама говорила, со смертью Кости она перестала их носить, золотая цепочка стала для неё удавкой на шее, в то время когда и так с трудом дышать получалось. Мне не понять и, слава Богу.

Тётя Алла выглядит молодо и ухоженно для своих лет, пахнет от неё всегда приятно, слегка располнела за последний год, но полнота ей даже больше шарма придала, но вот мало кто знает, что на душе у этой женщины. Какое горе она до сих пор переживает. Одна борется с потерей сына.

Отец Кости с головой ушёл в работу, постоянно в разъездах, так ему проще – объясняла мне мама. А у тёти Аллы никогда подруг не было, с которыми она могла бы поговорить по душам, вот мама и подставляет ей своё плечо. К тому же они и до смерти Кости неплохо общались, а как сына тёти Аллы не стало, моя мама и вовсе стала ей как сестра.

И вот мамина лучшая подруга сидит на нашей кухне и говорит мне, как сильно сожалеет о том, что натворила. Не я каюсь за то, во что превратилась квартира, а она за то, как в конце прошлого лета обидела Макса.

– Мне так жаль, – повторяет, а глаза слезами наполняются. – Максим и Костя были лучшими друзьями с детства, даже больше – они были как братья, а я... я, убитая горем, лучшее, что смогла сделать... это... это обвинить Максима в смерти Кости. Прямо на похоронах. Лиза... мне так жаль. Максим – единственный из всех друзей и одноклассников

Кости, кто пришёл на похороны. Никогда не забуду его лицо. Все разошлись, а он... Максим продолжал стоять у могилы, без слёз, молча...

– Тётя Алла, вы не должны...

– Нет, – перебивает, качая головой. Берёт салфетку и промокивает глаза. – Я вернулась за ним, чтобы позвать... машина уже уезжала... но вместо этого накричала, сказала, что это он виноват, что это он не доглядел моего мальчика, что это из-за него Костя напился, из-за него та машина... – И вновь слова заглушаются рыданиями и сдавленным: – Прости, Лиза, я не должна вести себя так при тебе. Ты принимала лекарства?

Киваю.

Не знаю, что сказать. Просто смотрю на неё и сама с трудом сдерживаю слёзы. Меня не было на похоронах, я уехала из города за несколько дней до них и никогда не интересовалась, как всё прошло. Теперь жалею. Жалею, что не попрощалась с Костей, хоть мы так и не подружились. Жалею, что не была рядом с Максом. Если бы я осталась, на день, или два... Макс он... был бы там не один.

– Почему никто не пришёл? – шепчу.

Тётя Алла шумно высмаркивается, отправляет салфетку в урну и, уже не стесняясь меня, подливает в чай прозрачную жидкость из маленькой фляжки.

– В тот день шёл сильный дождь, мы все промокли до нитки, – отвечает не глядя. – Точно не знаю, но директор школы,

когда приносил мне свои долбанные сожаления, списал отсутствие школьников на похоронах именно на эту причину.

– Все промокнуть боялись?

– Шутишь? – горько усмехается тётя Алла. – Должно быть все моего гнева боялись, не знаю... Не знаю, чего они боялись, но лишь один Максим пришёл попрощаться с моим мальчиком. И я практически прокляла его у могилы собственного сына.

– Вы... вы были растоптаны горем, тётя Алла, – плохо подбодрить получается, в то время когда осудить хочется. – Думаю, Макс это понимает.

– Думаешь? – вновь усмехается. – Нет, Лизонька, не думаю, что меня можно понять. Костя бы вот... Костя бы точно не понял, наругал бы меня за то, что я так с его лучшим другом поступила...

– Лиииииз? – хриплый жалобный стон доносится из спальни. Полина просит ей воды принести.

– Много выпила? – хмурится тётя Алла, и я решаю кивнуть, тему таблеток поднимать не хочется.

Отношу Полине воду и вновь сажусь за стол напротив тёти Аллы, которая, наконец, справилась со слезами и смотрит так, что сомнений не остаётся – теперь будут нравоучения. Но нет...

– Что Максим здесь делал? – вместо этого спрашивает. – Лиза, я пойму если у вас с ним... Если ты... Девочки любят плохишей, можешь не объяснять мне это, но...

– Тётя Алла, – решительно перебиваю. – Между нами ничего нет.

– Правда? – глаза щурит. – А почему покраснела?

Утыкаюсь взглядом в стол.

– Он просто хотел помочь с уборкой.

– После того, как помог устроить всё это? О, не смотри на меня так, я отлично знаю, каким стал Максим. – Замолкает, тяжело сглатывает и тихо добавляет: – Часть вины за это и на мне лежит.

– Когда вы позвоните маме? – перевожу тему.

– Я уже ей позвонила.

– Вот как, – вздыхаю.

– Да. Сказала, что вы с Полиной слишком громко смотрели фильм, вот и не слышали звонка. Что? Чего удивляешься? Я так же, как и ты, не желаю твоей сестре той участи, которая непременно у неё будет, узнай о вечеринке ваш отец, – мрачно усмехается и делает новый глоток. – Он тот ещё кремень. Не подумай, я не одобряю всего, что вы здесь натворили, но и рукоприкладства его не понимаю... Кто там тебе всё названивает?

Сбрасываю вызов, прячу телефон в рукаве кофты и отвожу взгляд.

– Да так. Никто.

Паша уже раз тридцать звонил. И эсэмэски без перебоя пишет с просьбой поговорить. Я ему уже давно ответила, доступно написала прекратить звонить и не приходить ко мне

сегодня, но Паша не сдаётся. С каких пор русский язык стал ему не понятен?

Уборка длилась до глубокой ночи и так и не достигла завершения. Тётя Алла сдалась, потому что слишком устала и в большей степени потому, что запретила мне принимать активное участие в «спасении» квартиры. Сказала, что у нас ещё целых два дня в запасе и теперь стоит подумать над тем, как быть с тремя дырами от сигарет: одна на покрывале с моей кровати, что ещё можно как-то замаскировать, вторая на кухонной занавеске и третья на обивке маленького диванчика в родительской спальне. Что делать с ней – главный вопрос завтрашнего дня. А пока тётя Алла отправила меня спать. Не сразу конечно, а после допроса о том, кто вообще здесь побывал, кто всё устроил, и с кого стоит потребовать возмещение ущерба. Разумеется, пришлось врать, косясь под дурачка, что не очень-то правдоподобно вышло, но и здесь тётя Алла напирать не стала, лишь тяжело вздохнула, велела пойти умыться и пожелала спокойной ночи.

Уже лёжа в постели, слышала, как она плачет. А потом я провалилась в сон, в котором вновь была эта жуткая вечеринка, в котором Полина раз за разом меня проклинала, тётя Алла плакала, а Макс Яроцкий снова и снова меня целовал.

Глава 2

– Хорошо, что у нас тёмные половики, правда, Полина? – не скуплюсь на желчь в голосе. Смотрю на сестру, только что закончившую чистить старую ковровую дорожку в коридоре, на которую потратила два с лишним часа, и чувствую невероятное удовлетворение при виде её уставшего лица, мокрого ворота футболки и виноватых глаз, которые она всеми силами от меня прячет.

Сегодня суббота, и Полина с самого утра знать не знает, что такое присесть и отдохнуть. Более того – даже не возмущается, как обычно. Вообще удивительно тихой стала, запал весь свой видимо на вечеринку потратила. Даже извинения сегодня с утра промямлила стоя на коленях у моей кровати. Понятное дело, сказала, что прощать её не собираюсь – так и снова расслабиться недолго. Пусть теперь помучается, сделает основную грязную работу, а потом и посмотрим: прощать её или нет.

К вечеру наша двушка вновь вернулась в мир чистоты и уюта. Тётя Алла, думаю, скупилась с ближайшего хозяйственного магазина все возможные средства для чистки мебели, ковров, анти-табачные освежители воздуха... И, да, это хорошо, вот только теперь приходится выветривать квартиру от запаха «химии», что определённо родители проигнориро-

вать не смогут. Занавески на кухне заменили на новые – дорогие и красивые, которые якобы должны стать сюрпризом для мамы – сама-то она себе подобного никогда не позволит. Покрывало с моей кровати заштопать было просто, а вот что делать с дырой на диване так и не решили.

– Будет странно, если я подарю вам новый диван, – пронизательно заметила тётя Алла, пока мы втроём в рядок минут пятнадцать стояли и таращились на эту уродливую чёрную дырочку на велюровой обивке.

– Согласна, – кивнула я.

– Скажу, что я случайно пепел стряхнула.

– Тётя Алл, вы не курите, – робко вставила Полина.

– Тогда скажи, что это ты.

И Полина вновь, как рыба замолчала.

Родители вернулись в воскресенье вечером, сразу после визита Паши, которого вновь пришлось отшить и хлопнуть дверью перед его носом. Не готова я пока говорить, обсуждать его ложь и письма Кости... Паша даже не знает, что я знаю! А может, стоило сказать со злости? Может тогда, хотя бы на пару дней оставил бы меня в покое? Это больно, знаете ли, узнать вдруг, что твой лучший друг – жалкий обманщик и предатель.

Не удивительно, что они с Яроцким друзьями были. Один другого стоит.

Папа бросает сумки на пол и первым делом отправляется в туалет, бормоча под нос что-то вроде: «Говорил же. При-

дорожные закусочные и убить могут! Что они там напихали в этот пирожок?».

Мама обнимает нас с Полиной по очереди, благодарит тётю Аллу, которая уже собирается уходить, ведь и так все выходные у нас провела, и вдруг начинает хмуриться. Ну вот. Разумеется, это же мама! У неё каждый сантиметр квартиры на корочку мозга сфотографирован. Но вдруг расслабляется и удивлённо смотрит на тётю Аллу:

– Мясной пирог с чесноком? Твой фирменный!

Ага, запах отменно перебивает.

– У нас новые занавески?... Алла... ну зачем? Они же кучу денег стоят!

Мы с Полиной коротко переглядываемся, наверняка думая об одном и том же: мама ещё новое тканое покрывало с диванчика в спальней не видела, которое прячет прожжённую дыру на обивке. Надеюсь лишь, что ей не скоро захочется его снять. Всё-таки тёте Алле она доверяет, и щедрость её знает.

И всё было хорошо!.. Хочется сказать мне, но... и я, и Полина, и тётя Алла, где-то в глубине души, а может даже и на её поверхности, знали, что враньё, рано или поздно, всплывёт. Надеялись, что «поздно», но так только в сказках бывает, или в тех романах, которыми зачитывалась в больнице. В них всегда всё хорошо заканчивается, а реальность намного жестче, суровей. В реальности нет возможности переписать всё заново простым нажатием клавиш. В реальности мы

сами отвечаем за свои поступки, берём на себя чужую вину, например, вину сестры забившейся в угол кухни и слёзно умоляющей отца не бить её хотя бы по лицу. Берём на себя ответственность за слёзы мамы, приказывающей мне идти в свою комнату. Ответственность... как легко взрослым говорить о ней, забывая, какими глупыми они сами ещё недавно были. Их наказывали, теперь наказывают они. Справедливость, так они это называют? Воспитание.

Я не виню Пашу, за то что спустя двадцать минут после ухода тёти Аллы, когда вся моя семья собралась на кухне и как ни в чём не бывало обсуждала поездку к бабушке, он решил позвонить в дверь квартиры. Наверное, если бы несколькими часами ранее я не оттолкнула его, а поговорила, как следует, Паша не явился бы вновь, только уже пьяный в стельку и с букетом помятых цветов. Наверное, не приносил бы заплетающимся языком извинения моей матери и не умолял бы отца не наказывать меня, ведь «бедная Лиза» ни в чём не виновата, и это какая-то другая сволочь устроила уродскую вечеринку. Сволочь по фамилии Яроцкий, как не забыл обозначить Паша.

Цветы остались лежать на полу, а Пашу забрал его отец, потому что тот практически уснул в нашем коридоре.

Видела, как мама с трудом держала себя в руках, а лицо отца с каждой секундой багровело всё больше. Полина сходу начала молить о прощении, пыталась что-то объяснить, хоть и отлично знала, что отцу плевать на её оправдания. Непо-

слушание требует наказания – такие у него понятия.

Ответственность. Она самая. В тот вечер я поняла, что от неё не уйти, не спрятаться под дорогой занавеской, или новым покрывалом. Прожжённая сигаретой дыра рано или поздно будет найдена, а ответственность лишь удвоится. Теперь ещё и за ложь.

Нет, я не виню Пашу. Вечеринка – не его ответственность. Но, возможно, мне немного хочется обвинить соседей, которые словно все выходные ждали возвращения родителей, чтобы поскорее позвонить в нашу дверь с полным докладом о том, какое развратное действие происходило здесь в их отсутствие.

А разве могло быть по-другому?

Уверена, даже тётя Алла понимала, что расплата неизбежна и всё, что пыталась сделать, приводя квартиру в порядок – это сгладить «углы». И я рада уже тому, что родители никогда не узнают, на что их дом был похож ещё пару дней назад.

И даже Полина – уверена, – была готова к подобному. Это её ответственность. Вот только, к моему сожалению, отец вряд ли когда-нибудь поймёт, что кулаками уму-разуму младшую дочь не научит.

Мама приказывает мне не смотреть, кричит, что со мной они разберутся позже и одновременно пытается вразумить разъярённого отца не бить Полину.

– Давай просто поговорим с ней!!! – кричит отчаянно, так что – уверена, – все соседи вновь прижались ушами к стенам,

чтобы завтра было что обсудить. – Не бей её! Андрей!!!

Но папа не слышит. Хватает Полину за розовый хаер, пытается развернуть, пока она до хрипоты рыдает, и вместо мягкого места попадает пряжкой по спине.

– Лиза, выйди отсюда!!! – кричит на меня мама, а я не могу... не могу видеть, как он бьёт её. Наказывает и сам не понимает, что делает только хуже!

– Лиза!!! – ревёт на меня отец, круто развернувшись. – Ушла к себе!!! Сейчас же!!!

– Только вместе с Полиной!!! – задыхаясь, кричу, рвусь к сестре, но мама перехватывает меня на полпути, а папа вновь замахивается, но так и замирает с поднятой рукой, потому что кто-то настойчиво звонит в дверь.

– Молодец! Добился своего?!! – сумбурно утирая ладонью мокрое от слёз лицо, кричит на отца мама. – Всех соседей собрал?!!

– Скажи им: пусть проваливаются!!! – рычит папа, пока мама идёт открывать дверь. – Это не их дело! – Стреляет гневным взглядом в меня: – Я сказал тебе уйти в свою комнату.

– А я сказала тебе, что уйду только вместе с Полиной! – шиплю, глотая слёзы. – Это я виновата, понял?! Я устроила вечеринку! Меня избежь! Давай!!!

– Лизаааа... – плачет на полу Полина.

– Думаешь, и тебе не ввалю?! Ты не меньше виновата!

– Так давай! Ударь меня!!!

– Андрей! – мама появляется в дверях кухни и выглядит

сбитой с толку. – Там... там тебя спрашивают.

– Кто?!

– Иди сам посмотри.

Папа вылетает из кухни, а я тут же бросаюсь к Полине, обнимаю её, прижимаю к себе, позволяю рыдать мне в рубашку и слышу голос из коридора. Голос, от которого сердце до самого горла подпрыгивает, а на коже тут же вспыхивают мурашки.

– Давайте, выйдем. Поговорим, – с привычной холодностью в голосе обращается к моему отцу Яроцкий.

– Ты ещё кто такой?! Пошёл вон! Эй! Стой!!! Ты куда?!!

Макс показывается в дверях кухни и замирает на пороге. Смотрит на Полину, затем на меня, затем снова на Полину и на ремень на полу с тяжёлой армейской пряжкой.

«Что ты здесь делаешь?» – хочется наброситься на него с вопросами, но кажется, я вновь забыла как это – говорить. Просто смотрю на него огромными глазами и поверить не могу, что он здесь, он пришёл. Зачем пришёл?

Рука отца падает Макс на плечо и толкает обратно в коридор. Ещё успеваю заметить, как Яроцкий с силой сбрасывает с себя руку папы и звучит настолько жестко и уверенно, что даже у мамы лицо вытягивается.

– Статья 201 УК РФ, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью. На собственных несовершеннолетних детей также распространяется. Влечёт наказание до пяти лет лишения свободы, – говорит Макс, и даже у папы слов

для ответа не находится. – Выйдем, поговорим, или я звоню в службу опеки?

Папа возвращается довольно быстро, но больше не вижу на его лице решимости продолжить начатое. Полина при виде его плотнее прижимается ко мне, а когда отец подбирает с пола ремень, жалобно стонет. Но отец явно не собирается продолжать наказывать младшую дочь, отбрасывает ремень в сторону и под ошеломлённый взгляд мамы на шумном выдохе опускается на табурет.

– Что... что он тебе сказал? – шепчет мама, прижимая ладони к щекам. – Это ведь был... Максим Яроцкий? Одноклассник Лизы. Я помню его. Он... они с Костей дружили. Но что он здесь делал, Андрей?

– Значит так! – папа сурово смотрит на маму, затем на Полину и наконец, на меня. – Чтобы через пять минут обе лежали в кроватях. А вот этого... вот этого отморозка, – трясёт указательным пальцем, – чтобы я ни с одной из вас рядом не видел. Всё ясно?

– Что он тебе сказал? – задаю тот же вопрос, что и мама и замечаю, что во второй руке отец сжимает какой-то чёрный пакет.

– Папа...

– Ты меня слышала, Лиза!

– Он угрожал тебе? – стонет мама, оседая на соседний табурет.

Но папа вновь не отвечает. Протягивает маме пакет со

скупым:

– На.

– Что... что это?

– Сопляк тебе передать сказал.

– Что это такое? – мама вытаскивает из пакета хрустальную вазу, которая уж очень похожа на ту, которая недавно была разбита и во все глаза смотрит на отца: – Что это значит, Андрей?

– Твою разбили. Сюрприз, – измученно вздыхает папа, проводя ладонью по красному, как бурак лицу.

У мамы, как и у меня, все слова заканчиваются. Обе, не отрываясь, смотрим на вазу, пока отец вновь не приказывает:

– Спать. Живо!

Помогаю Полине подняться и веду её к двери.

– Что он сказал тебе? – оборачиваюсь, вновь пытая шанс узнать, что Яроцкий тут делал. – Просто ответь.

– Что? – невесело усмехается папа. – Признался, гад, что это он здесь всё устроил, вот что! Сказал, что вы обе якобы ни при чём!

Мне отец больше ничего не сказал, но стоило замереть у двери в нашу с Полиной спальную и прислушаться, как вдруг желание наорать за безрассудство и одновременно сказать Яроцкому спасибо с головой затопило.

– Сказал, что если я Лизу хоть пальцем трону, он мне руку сломает, представляешь?

– Так и сказал?

– Да.

– Это всё юношеский максимализм, Андрей, – вздохнула мама. – Возраст у них такой. И тебе нужно извиниться перед Полиной. Ты слишком погорячился.

– Закрой уже дверь, – просит Полина, с головой накрываясь одеялом. – Не могу его слушать. Ненавижу. Ненавижу его.

Утром отец ни с кем не разговаривал и даже не стал возражать насчёт того, что Полина, сославшись на плохое самочувствие, решила в школу не идти. И на этот раз моя сестра не солгала – градусник и мама подтвердили.

Всю дорогу до школы Зоя не отставала с расспросами: «Как всё прошло?» и очень сочувствовала, стоило рассказать о том, что было вчера вечером. Визит Макса, разумеется, я не упоминала. Даже стыдно немного перед Зоей, с каждым днём у меня появляется всё больше секретов, которые я не могу ей рассказать. Но что уж тут поделать... сомневаюсь, что в ближайшее время снова смогу доверять людям, даже тем, кого считаю друзьями. Особенно – друзьям.

Как и предполагалось, старшие классы сегодня только тем и занимались, что обсуждением вечеринки и нашего с Максом поцелуя. Кто-то даже видео мне предложил посмотреть.

А стоило войти в класс биологии, как все резко замолчали. Ну, знаете, та самая неловкая ситуация, когда все только что обсуждали тебя, а ты делаешь вид, что совершенно этого

не понимаешь.

Вероника кивает мне в знак приветствия, но не улыбается, как раньше, да и выглядит по-прежнему уставшей, измученной какой-то. Думаю, у королевы школы сейчас и вправду не лучшие деньки. А вот у Яроцкого кажется всё просто отлично – он спит. Развалился за последней партой, прикрыл лицо отобранной у меня кепкой и тихонечко сопит.

Опускаюсь на своё место и смотрю на него вплоть до самого звонка, на который он также не реагирует. И даже когда учитель заходит в кабинет, Макс продолжает сладко спать, так что, наконец, набираюсь решимости и только собираюсь его разбудить, как из-под кепки раздаётся слабое бормотание:

– Только попробуй.

Ну, раз так...

Смело забираю у него свою же кепку и ещё наблюдаю за тем, каким сонно-возмущённым взглядом он на меня смотрит, так и не отлепляя щеки от парты.

– Отдай.

– Это моя кепка, – прячу ещё в свой рюкзак.

– Ты мне её подарила.

– Это ты так решил.

Выпрямляется, и как ни в чём не бывало, потягивается, словно хорошенько успел выспаться. Зеваёт, бросает на меня невыразительный взгляд и повторяет:

– Отдай.

– Что это вчера было? – перевожу тему, понижая голос до шёпота.

– Когда? – с беспечным видом почёсывает затылок.

– Ты знаешь, о чём я.

– Не-а.

Наклоняюсь ещё ниже и, пока Ольга Альбертовна рассказывает что-то о скорой лабораторной работе, требовательно шепчу:

– УК РФ? И что ещё за статья такая?

– Понятия не имею, – с низким смешком, пожимает плечами Яроцкий, и как только на его щеках появляются ямочки, мои щёки автоматически вспыхивают, а взгляд спешит уткнуться в доску.

Придвигается ко мне всё ближе, а я делаю вид, что не замечая этого, а ещё упорно игнорирую эти проклятые бабочки, которых стало слишком много в животе, и это реально раздражает!

– Кепку... верни.

– Яроцкий! Что там у вас опять такое?! – в этот раз Ольга Альбертовна сразу переходит на крик и угрожает директором.

– Простите, – как обычно мямлю я, пока одноклассники давятся тихими смешками, не забывая напомнить про тот самый поцелуй.

Вырываю из тетради лист и пишу:

«Большие не думай ко мне домой приходить. Отец был в

бешенстве. Ты с ума сошёл»?

Протягиваю Яроцкому, и тот ещё смотрит на меня с мимикой весёлым взглядом, и только потом пишет ответ:

«У тебя сегодня сколько уроков»?

Что? Опять ерунду несёт.

Пишу ответ, с трудом сдерживая улыбку:

«Это уже не смешно».

«Да кто шутит?» – пишет. – *У меня этот последний. А у тебя»?*

– А у меня первый. Всего шесть, – отвечаю шепотом.

– Было шесть, – придвигается ещё ближе, а глаза так лукаво блестят, что взгляд от них отвести не в силах, а бабочек в животе вдруг ещё больше становится.

– Что значит – было? – шепчу, нервно сглатывая от чрезмерной близости, с такой силой в спинку стула вжимаюсь, что она начинает трещать.

Переводит взгляд на мои губы, так что теперь внутри меня целый ботанический сад со всякого рода крылатыми созданиями расцветает и вновь смотрит в глаза, хитро улыбаясь:

– Ты ведь не против? Я поменял твоё расписание. После этого урока мы уходим. Хочу показать тебе кое-что.

Глава 3

– Багрянова? Багрянова? Багрянова! Да что же это... Багрянова!!! ЛИЗА!

Макс для чего-то кивает в сторону доски.

– Тебя там зовут, кажется, – ухмыляется и глаз с меня не сводит. А меня как током вдруг прошибает и только сейчас доходит, что Ольга Альбертовна меня уже как несколько минут дозваться пытается.

– Простите, – мямлю краснея до самых ушей и утыкаюсь взглядом в парту, пока мои одноклассники не теряют возможности вновь посмеяться и пару остроумных шуточек пустить на тему, что я на Макса залипла.

И, да, я залипла, но не в этом смысле!

«Боже... Лиза, что ты творишь?»

Потираю лицо ладонями и тяжело вздыхаю.

«Хочу показать тебе кое-что». – Вот после этой фразы вылипла на Яроцкого, как баран на новые ворота, а теперь и он возможности подколоть не упускает.

– О чём-то гаденьком подумала, а?

– Нет, – круто разворачиваю к нему голову, а тот вновь посмеиваться начинает при виде моего залитого краской лица.

– Ну, точно, – кивает, щёлкая ручкой. – О чём-то ооочень

гаденьком.

– Да нет же, – шепчу и пытаюсь спрятаться от него за учебником, сползая на стуле как можно ниже. – Я никуда с тобой не пойду.

– Потому что папочка запретил?

Стреляю в него взглядом поверх учебника:

– И поэтому тоже.

– Так значит, запретил. Не удивил. Страшный он у тебя! Бр-р-р... – иронично вздыхает и бросает в меня шариковую ручку.

– Эй!

– Опять эти двое! Нет! Ну, сколько можно уже?! – Ольга Альбертовна хлопает журналом по столу. – Мне рассадить вас, или что?!

– Да! – с энтузиазмом восклицаю.

– Нет, – вяло отвечает Яроцкий, опуская мою поднятую руку. – Простите, Ольга... эм-м... как там?

– Альбертовна, – шиплю, поджимая губы.

– Альбертовна, – кивает Яроцкий. – Всё время забываю. Мы больше не будем, Ольга... Как там?

– Последнее замечание.

– Давай свалим? – Макс выхватывает учебник у меня из рук и бросает на парту. – Прямо сейчас?

Игнорирую. Открываю тетрадь и принимаюсь записывать название сегодняшней темы, а также приказываю этим диким крылатым созданиям внутри живота впасть в посмерт-

ную спячку. И взгляд этот, будто дыру мне в виске просверлить пытается, чувствую.

Да что не так вообще? Откуда столько веселья?

– После этого урока жду тебя возле раздевалки, – звучит как утверждение.

Не сдерживаюсь и вновь одариваю Яроцкого взглядом аля «Да что тебе от меня надо?».

– Физкультура, – многозначительно играет бровями тот. – Следующая. Ты ведь всё равно не ходишь?

– Это не значит, что я буду её прогуливать, – отворачиваюсь и тихонько добавляю: – Ещё и в компании с тобой.

Не отвечает. Украдкой поглядываю, как с задумчивым видом в окно смотрит на залитый осенним солнцем внутренний двор. Погодка сегодня и вправду сравнительно хорошая, солнце пусть и холодное, а порывы ветра достаточно сильные, но дождя, по крайней мере, нет и небо чистое.

– У раздевалки, – спустя время повторяет Макс, и тут до меня доходит!

– Четвёртое задание? – шиплю с циничным пониманием.

– Слишком просто, – встречается со мной глазами. – Всего лишь моя просьба.

О, теперь мы, оказывается, и так умеем? Кто бы мог подумать.

Стоит почаще напоминать этим чудовищным бабочкам в животе, что парень напротив – мой куратор в большой игре, которая всё ещё не закончилась!

Сразу после звонка сгребаю все вещи в рюкзак, подхватываю Зою под руку и пытаюсь как можно быстрее сбежать от Яроцкого и Ольги Альбертовны, которая провожает меня крайне недовольным взглядом.

– Быстрее, – шепчу Зое, которая еле тащится, на ходу бросая в сумку вещи.

– Лиза. Останься на минуту.

– Ну вот, – вздыхаю, прикрывая глаза.

– Я подожду, – Зоя кивает на биологичку, которую, судя по лицу, ох как распирает отчитать меня за поведение.

Так и случается. Приходится заверять Ольгу Альбертовну, что подобное больше не повторится, и жаловаться директору, и уж тем более моим родителям вовсе ни к чему. В итоге решает поговорить с классным руководителем о моей пересадке и выпроваживает за дверь.

– Говори, чтобы со мной посадили, – теперь Зоя идёт слишком быстро, словно урок физкультуры – её любимый урок.

– Аня выздоровела. Меня к тебе не пересадят.

– А ты я смотрю не больно-то и хочешь, м?

– С чего это? – фыркаю, толкая дверь на лестницу, и принимаюсь сбегать на первый этаж.

– Что у вас? – усмехается в спину Зоя. – Люблю, куплю и полетели?

– Ещё громче скажи, а то тут же так пусто, никто не слышит!

– Да пофиг как-то.

– Это потому, что тебя никто не целовал на глазах у сотни народа и на камеры не снимал.

– Точно, – с грустью вздыхает. – А жаль.

– Так. Направо не смотри, – вновь хватаю Зою под руку и быстро шагаю по коридору первого этажа к спортивному залу, делая вид, что вовсе не замечаю Яроцкого у дверей раздевалки.

– Это что? Это он тебя, что ли...

– Молчи, Зоя! Просто иди!

– О, у Яроцкого такое же пальто, как у тебя? Прикольно.

– Что?!

Кто разрешил ему брать моё пальто?

Эта секундная остановка выйдет мне боком – уверена. Секунда, за которую Яроцкий успевает перехватить меня у Зои, вцепиться в локоть и потащить за собой.

– Прикроешь! – поднимает два пальца в воздух, будто команду Зое отдаёт.

– Тебя, или её?! – в непонимании кричит Зоя вслед.

– Забавная у тебя подружка, – ухмыляется, толкая от себя входную дверь, и следом толкая через порог меня.

– Я никуда не пойду! – пячусь. Да кто вообще ему столько прав дал?!

Толкает в спину через порог второй двери и вот я уже на крыльце!

С возмущённым видом складываю руки на груди и сдуваю

с лица прядь волос.

– Сказала, что никуда не пойду. Ты оглох?

– Какая же ты сложная! – хмурится, набрасывает мне пальто на плечи и застёгивает на первую пуговицу. – Ну и не иди, – подхватывает под ноги и забрасывает к себе на плечо, так что я даже дёрнуться не успеваю. – Полетели.

– Поставь на место! Поставь меня на место, говорю! На нас все пялятся!

– Тебе не всё равно? Может это – единственное, что им счастье в жизни приносит?

Наконец Яроцкий соизволяет опустить меня на землю, и только я собираюсь без лишних слов зашагать обратно к школе, как замечаю – кивает в бок, где рядышком со школьными воротами припаркован...

– Я же сказала, что больше никогда в жизни...

– Это не мотоцикл, – перебивает. – Всего лишь мопед.

– Мопед?.. А, ну да, мопед. Теперь мне однозначно полегчало.

Смотрю на махину довольно потрёпанного вида, словно на ней долго кто-то неумелый катался, и тем же взглядом смотрю на Яроцкого, который уже перебрасывает ногу и опускается на сидение.

– 60 км/ч – максимальная скорость, – с таким разочарованием сказал, будто его кто-то заставляет ездить на ЭТОМ. – Но я буду ехать ещё медленнее, обещаю. – Делает крестик из пальцев и с преувеличено серьёзным видом добавляет: –

Клянусь.

И почему я всё ещё на месте стою?

– Держи, – протягивает мне шлем. – Для страховки. Гнать не буду. Ну? Ждёшь, пока вся школа с тобой попрощаться выйдет?

Чёёёрт! Откуда вас столько здесь? Только разве что младшие классы посмотреть не вышли?

– Ну, – подгоняет, тряся шлемом.

– И куда ты меня везти собрался?

– Узнаешь.

– Сейчас скажи.

– Не доверяешь?

Сужаю глаза:

– А должна?

– Ну, я же обещал не врать тебе. – Вновь трясёт шлемом.

Смотрю на него и даже глазом не веду.

Запрокидывает голову к небу, раздражённо вздыхает, выпуская изо рта облачко пара, и вновь смотрит на меня:

– А если мы все завтра умрём?.. – Щурит глаза. – Последнее о чём будешь думать ты, так это о том, что провела последний день своей жизни в тухлой школе, вместо того, чтобы провести его так, как хочется.

– Откуда знаешь, чего мне хочется?

– Ну, ты ведь всё ещё здесь.

Вот же...

Хочется попросить его не улыбаться так. Хотя бы при мне.

Ненавижу эту его победную улыбку, слишком хорошо она обезоруживать умеет, мозг в вату превращает, толкает на самые безрассудные поступки, о которых ещё час назад и подумать не могла. Но вот я сижу на мопеде за спиной Яроцкого, обнимаю его так крепко, как только могу и вдавливаю грудь ему в спину. Страшно не потому, что подо мной рычит мотор и мопед катит по улицам города – в детстве с папой на велике и то быстрее каталась, – страшно от мысли: если я добровольно пошла на это, то как далеко вообще могу зайти?..

Макс не солгал – тащимся, как черепаха. Так медленно едем, что даже попросить хочется немножечко поднажать. Перчатки остались в рюкзаке, а рюкзак за спиной, и пальцы, сцепленные в крепкий замок на животе Яроцкого, уже порядком замёрзли.

– Скоро? – кричу ему на ухо.

Кивает в ответ. Как и десять минут назад. Как и двадцать минут назад.

Понятия не имею, куда мы едем, понимаю лишь то, что мы уже практически на окраине и мне это совершенно не нравится. Время раннее, большинство людей на работе, даже на центральной набережной практически ни души, так что же мы здесь забыли – на старой набережной, посетителями которой в это время года является лишь свора бродячих псов?

Мопед продолжает катить по разбитой дороге, подпрыгивая на кочках и ямах, дома становятся старыми, двухэтаж-

ными, некоторые окна забиты досками, из других – разбитых, – ещё выпархивают старые занавески. Не так давно эти дома определили под снос для полной перестройки старого района. Я не часто здесь бывала, можно даже по пальцам одной руки сосчитать. Но папа в детстве жил в одном из этих заброшенных домов, и когда я была маленькой, часто рассказывал, как проходило его детство. А ведь раньше это был центр города, пока его не начали активно расстраивать. Теперь же, центральная набережная обустроена в лучшем виде – всё для отдыхающих, а вот это страшное местечко власти обещали привести в порядок за пару-тройку лет, построить туристический комплекс и аквапарк. Пока не особо прогресс заметен.

Яроцкий глушит мотор недалеко от старого причала, помогает мне слезть с мопеда и освобождает голову от шлема. Дрожа от холода, тут же принимаюсь прыгать на месте и растирать замёрзшие ладони.

Без слов и всяких комплексов расстёгивает молнию на моём рюкзаке за спиной и застёгивает обратно. Водружает кепку мне на голову, а следом и капюшон от байки набрасывает.

– Ветер, – поясняет как бы невзначай.

«Ветер. Угу», – для чего-то повторяю мысленно.

– А что мы здесь делаем? – оглядываюсь.

Макс запрыгивает на такой же полуразрушенный, как и всё в этом районе каменный парапет, прячет руки в карманах бомбера и несколько минут смотрит на бушующее море.

Ветер играет с его волосами, куртку как парусник надувает на спине, бросает в лицо мелкие брызги воды и, наверное, мне стоило бы отвернуться, заставить себя найти зрелище поинтереснее, но... не могу. Не могу глаз от него отвести, и вот холод уже кажется сущим пустяком, порывы ветра вовсе не обжигают кожу, и тревога куда-то исчезает, потому что внутри вдруг так тепло становится, так спокойно, как если бы вдруг лето началось, тёплое солнышко согрело кожу, птицы запели, бабочки ожили... Бабочки... Опять эти бабочки. Их стало слишком много в моей жизни.

Опускаю взгляд и молча пинаю носом кеда камень под ногами.

– Так... так что мы здесь делаем? – наконец спрашиваю, чувствуя себя слишком неловко с ним наедине.

Макс оборачивается и протягивает мне руку:

– Иди сюда.

– Зачем?

– Вот же ты упрямая, – так улыбается, что самой в ответ улыбнуться хочется. – Расскажу кое-что. Давай. Иди сюда. Отсюда лучше видно.

Лето перед десятым классом

Конец июля

– Давай. Иди сюда. Залазь. Отсюда лучше видно.

– Костик, блин, какого фига мы тут делаем? Ну, серьёзно... Тебя вон те парни вообще не смущают? – киваю на свору бродячих собак.

– Не трогай их мусор, они не тронут тебя, – подмигивая, заверяет Костян, затаскивая меня на разбитый каменный парапет у старой набережной. – Смотри. – Кивает на пылающее в свете заката море. – Солнце сейчас садиться будет.

– Ну... ага, – киваю, скептически поглядывая на друга. – Закат.

– Зака-а-т, – с ностальгическим видом повторяет Костик, а я не спускаю взгляда с его лица и пытаюсь понять, кто этот странный чувак передо мной и куда он дел моего лучшего друга.

– Закат, – повторяю с тупым видом. – Клёво. Ага.

– Ага. Клёво.

– Ты кто? – интересуюсь у него на полном серьёзе.

Костик закатывает глаза, будучи раздражённым моей тупостью как я понимаю, садится на парапет и вытаскивает из рюкзака отцовский фотоаппарат.

– Стащил? – вскидываю бровь, присаживаясь рядом.

– Разумеется, – довольно ухмыляется Костян.

– Круууто. Хочешь, чтобы я пофоткал тебя на фоне заката?

– В точку, братишка! – с преувеличенным восторгом восклицает Костик, щёлкая двумя пальцами. – Подожди, я надену бикини. Чёрт, кажется, я забыл бикини!

– М-м... Нью? – предлагаю с важным видом.

– Как вариант, – не сдерживает смеха Костик. – Ладно, не отвлекай меня, сейчас начнётся.

Упираюсь ладонями позади себя в парапет и невольно отмечаю, что сегодня закат действительно красивый. Настолько огненный, что, кажется, будто море в огне пылает.

– Багряный закат...

– Ооо... Костян, не начинай, – умоляю.

– Не буду.

– Думаешь, получится? – спрашиваю.

– Должно. Сегодня точно должно.

– Ладно, но для чего так далеко ездить? Если Ярик узнает, что я его мопед опять взял, мне не жить.

– Ярик давно уже на нём не ездит, – Костик кивает на море. – Смотри-смотри. Отсюда лучший вид на закат и не мешает никто. Нужна полная концентрация, понимаешь?

– Поэтому мы сюда тащились? Тут воняет, будто труп где-то рядом гниёт. И задумайся, чувак, а ведь это может быть правдой!

– Ни фиги ты не понимаешь, Макс, – вздыхает Костик, настраивая фотоаппарат. – Чудеса не случаются в таких местах, как центральная набережная. Там слишком шумно, всегда много людей, там... там атмосфера не та, испорченная, сечёшь? Поэтому мы здесь – в особенном месте.

– Чудеса? – теперь обе мои брови выгибаются, а изо рта вырывается каркающий смешок. – А разве то, что ты так

упорно увидеть пытаешься – не наука?

– Это синонимы, братишка. Два понятия, которые сами люди разделили бездной скептицизма и недоверия. Например, если ты не любишь молоко, то ты не будешь пить молоко, но предложи я тебе молочный коктейль и ты с радостью его выпьешь.

– Ну... да, я люблю молочный коктейль.

– Видишь. Но молоко – оно везде молоко. Разница в том, в каком виде его тебе подадут и в том, какое название тебе больше нравится. Так и здесь. У науки и чуда одна основа.

Кладу ладонь Костику на лоб и без шуток интересуюсь:

– Ты заболел?

– Смотри, – вновь кивает на море. – Пару минут осталось. Вдыхаю:

– Ладно. Давай посмотрим на это твоё молоко.

– Зелёный луч.

– Зелёный луч, – повторяю сучающе.

– Зелёный луч?

– Да, – Макс приседает на корточки. – Я смотрел на Костика таким же взглядом, каким сейчас смотришь на меня ты, Лиза. – Горько усмехается и потирает ладонью шею. – Но он упрямый, как баран был. Был уверен, что увидит его однажды.

Опускаюсь рядом и продолжаю внимательно смотреть на

Яроцкого.

– Костик где-то прочитал, – продолжает рассказывать, а глаза, такие печальные, на море смотрят, – что если внимательно смотреть на солнце во время заката, когда верхний край диска соприкасается с линией горизонта, именно морского, и последний яркий луч ударяет по глазам, то можно увидеть его совсем в другом свете. В ярко-зелёном. Таким, каких в природе не существует и ни один художник не может получить его на своей палитре, – бросает короткий взгляд на меня и пожимает плечами: – Это Костика слова.

Задумываюсь, припоминая.

– Я читала об этом, – наконец осеняет. – В романе Жюль Верна. Роман так и называется «Зелёный луч». Главная героиня прочла заметку об этом явлении в английской газете и отправилась в путешествие, чтобы собственными глазами увидеть этот самый зелёный луч.

– Ого, – Яроцкий смотрит на меня с такой теплотой, от которой вновь сердце в груди замирает, – вам с Костилом точно было бы о чём поговорить.

Отвожу смущённый взгляд к морю и чувствую, как вновь кровь к лицу приливает.

Макс спрыгивает с парапета на узкий песчано-галечный пляж, подхватывает камешек и, замахиваясь, бросает в шумное море.

– Костик говорил, что для того, чтобы увидеть эту зелёную хрень нужно три условия, – голос звучит громче. – От-

крытый горизонт, чистый воздух и свободная от облаков сторона горизонта, где происходит закат. Или восход. Но на восходе мы никогда сюда не приходили. Что он только не делал, чтобы увидеть его... – мрачно усмехается, – и прыгал тут, как ненормальный, где-то прочитав, что в движении увидеть луч больше шансов. То сидел и даже не двигался, не моргал почти, а мне даже дышать громко запрещал. Но... он так его и не увидел. Этот луч долбаный.

– Я... – беззвучно спускаюсь с парапета на островок пляжа. – Я не знала, что Костя... был таким.

– Ты вообще его не знала, – отвечает, стоя ко мне спиной, но я не слышу упрёка в голосе. – А могла бы, если бы не... Если бы не куча всего! Если бы не Костя со своей тупой нерешительностью! Если бы не я, который смеялся над его чувствами! Если бы не... – Замолкает, опускает голову и тяжело дышит.

Моя рука невольно поднимается, чтобы проявить сочувствие, быть может похлопать Макса по плечу, но решимости не хватает: опускаю её так же быстро и прячу в карман пальто.

– Держи, – Яроцкий разворачивается ко мне и протягивает сложенный вчетверо лист бумаги, исписанный шариковой ручкой с красными чернилами. И только принимая его, понимаю, что это фотография с запечатлённым на ней огненно-красным закатом.

– Багряный закат, – Макс говорит с прежним спокойстви-

ем и так пристально смотрит, будто не хочет пропустить ни одной эмоции на моем лице. – Костик так в шутку его называл. Он для тебя этот снимок сделал.

Смотрю на помятую фотографию и не знаю, что испытываю, слишком много всего и одновременно ничего. Только горький комок в горле растёт всё больше, так что сглотнуть не получается.

Присаживаюсь на корточки, прислоняюсь спиной к каменному парапету, и неотрывно смотрю на фотографию. Это чувство – бессилие, оно не выносимо, оно душит. Я совсем не знала Костю, но живет чем сейчас, он для меня никогда ещё не был. Это так... это так несправедливо.

Закрываю глаза и вижу его лицо, его смущённую улыбку, которой никогда не придавала значения – разве кто-то мог смущаться при виде такой, как я? Вспоминаю, как его голова просовывалась в дверь нашего класса после каждого звонка на перемену и вижу... теперь вижу, как он смотрел на меня тогда...

– Прочти, – слышу над головой голос Яроцкого. Переворачиваю фотографию и вижу несколько строк, написанных от руки неуклюжим, детским, но очень старательным почерком.

«Лиза», – первое слово.

– Это письмо Кости? – хмурясь, встречаюсь взглядом с Максом, который так и стоит надо мной.

– Да. Четвёртое.

– И... и почему оно у тебя?

– Хочешь спросить: почему оно у меня, а не у Паши?

– Не знаю, – теряюсь. Пожимаю плечами. – Просто... ты сказал, что все письма...

– Три письма, – перебивает. – Я сказал: Костик передавал через Чачу три письма. А это – четвёртое. Которое... я у него забрал. Не веришь мне?

Я уже не знаю, кому верить. Всё это... всё это настолько запутано.

– Прочти, – кивает на фотографию и вновь отворачивается к морю.

«Лиза», – от одного моего имени вкус горечи во рту троекратно усиливается.

«Лиза.

До этого я отправлял тебе стихи, но, видимо, ты не очень любишь поэзию, поэтому решил сказать так, как умею – своими, простыми словами. Чувствую себя, правда, полным идиотом... Всё-таки выражать чувства чужими словами намного проще, руки не так дрожат и сердце не так колотится, но всё же... я должен набраться смелости и признаться тебе наконец. А это не так просто, как кажется... Фух. Вот стояла бы ты сейчас передо мной, я бы, наверное, умер уже.

Прости, что так и не смог сфотографировать для тебя зелёный луч солнца на закате, но я верю, что однажды, если ты, конечно, не будешь против, ну, я надеюсь, что одна-

жды ты не будешь против, мы вместе... в смысле – ты и я, когда-нибудь обязательно его увидим...»

Лето перед десятым классом

Конец августа

– ... когда-нибудь обязательно его увидим... Вот так. Блин! Нет! Это бред какой-то! Как тупица какой-то малолетний написал! Не умею я чувства так выражать! Стихи всякие записать могу, а чувства выражать вот так вот – нет!

– Покажи, – выхватываю у Костика недописанное (уже четвёртое!) письмо Багряновой и сминаю в кулаке.

– Ты что... Ты что делаешь?! – У Костяна от возмущения глаза на лоб лезут, а изо рта вылетают какие-то странные нечеловеческие звуки, прежде чем он набрасывается на меня в попытке забрать эти чёртовы сопли на чёртовой фотографии, которые на фиг его Багряновой не сдались!

– Хватит, Костян! – кричу на полном серьёзе и толкаю его в грудь так, что Костик приземляется на пол моей комнаты, тяжело дышит и прожигает меня свирепым взглядом. Таким же взглядом смотрю на него и я.

– Хватит! Успокойся уже! – кричу. Больше не могу сдерживаться! Кто-то же должен, в конце концов, снять с него эти розовые очки, пока они стёклами внутрь не разбились! – Плевала она на тебя! ПЛЕ-ВА-ЛА! Уясни уже, наконец!

Она... она... сука она, вот кто, твоя Багрянова!!! Похрен ей на твои письма, на твои стихи, на старания Чачи и на это, – сжимаю крепче смятую фотографию, – тоже похрен! Над твоим признанием она просто поржёт!!! Разуй глаза, Костян!!! Не нужно ей всё это твоё фуфло! Чувства?!! Какие нафиг чувства?! К кому?! К той, кто даже не смотрит в твою сторону?! К той, что делает вид, что знать тебя не знает?! К той, кто даже не здоровается с тобой?!

– Закрой рот! – орёт на меня Костик, сжимая кулаки и заливаясь краской до самых ушей. – Ты ничего не знаешь!!!

Не сдерживаю мрачного смеха:

– Да что я знать должен?! Всё очевидно! Это ты... ты, Костян, ничего не видишь!!!

– Лиза не такая!!!

– А какая?!! Милая? Добрая? Понимающая?! В каком, бля*ь, месте?! Сколько ты перед ней стелиться будешь?! Она о тебя ноги вытирает, а тебе это будто и нравится!

– Нет!

– Да!

– Отдай фотку.

– Нет.

– Отдай фотку, Макс!!! Или ты мне больше не друг!!!

Несколько раз шумно вздыхая, подхожу к Костику и опускаю руку ему на плечо. Вижу, как глаза горят от гнева и бессилия. Он понимает... он всё понимает...

– Дурак, ты, – шепчу, качая головой.

– Знаю, – спустя паузу и падает на диван. – Просто... просто я... блин, Макс, я был уверен – она не такая, как все. А ты... блин, ты мне всю уверенность ломаешь.

– Потому что я прав, – опускаюсь рядом и с пониманием смотрю на Костика.

– Но она не такая... Я знаю, – продолжает твердить своё таким голосом, будто вот-вот разрыдается. – Лиза не может быть такой, какой ты её считаешь.

– Почему? – Не понимаю. – Ты же видишь, Костян, я не придумываю, она не замечает тебя. Знает, что ты втрескался в неё по уши, но полностью тебя игнорирует. Как будто ты... пусто место. Так что просто заканчивай уже это всё, не будь идиотом. И хватит уже... – отправляю смятую в комок фотографию на пол, – хватит уже писать ей всю эту чушь.

– Я скажу ей, – вдруг объявляет Костян, глядя в потолок. – Скажу! Завтра! Прямо в лицо возьму и скажу! Приду к ней домой и, прям с порога, как скажу!

– Ага, – тихонько посмеиваюсь. – Просто заканчивай с этим, Костик. Хватит, правда. Забудь ты её.

– Завтра, Макс! Слово пацана даю! Пойду и признаюсь!

– Ну и пошлёт она тебя.

– Не пошлёт.

– Вот увидишь.

– Завтра, – продолжает сам себя убеждать Костик. – Завтра. Точно – завтра!

– Как скажешь, – обречённо вздыхаю.

– Но у нас ещё есть сегодня, – проницательно замечает. – Напьемся?

– Я не пью.

– Сегодня можно. Завтра у твоего друга самый важный день в жизни! Напьемся! По рукам, братишка?

– Нет.

– Ты мне друг или кто?! – рычит.

– Блин, – сдаюсь.

– Ну вот и отлично! – с довольным видом Костик хватается за телефон. – Позвоню пацанам.

– Я не дал дописать ему, – чувство вины в голосе Макса, будто наизнанку его выворачивает. Присел рядом, но в глаза не смотрит. Достает сигарету и крутит между пальцами. – Его сбили в тот же вечер.

Море шумит, бушует, но в голове настолько тихо, в мыслях тихо, что даже не слышу, как пенные волны разбиваются о берег.

Одинокая слезинка сбегает по щеке и падает на фотографию, которую я до боли в пальцах сжимаю в руках и смотрю на надпись в самом уголке, выведенную тем же почерком:

*«Над раной насмехается лишь тот,
Кто не был ещё ранен этим чувством».*

(с) У. Шекспир «Ромео и Джульетта»

Звуки возвращаются в сознание, как и способность двигаться лишь тогда, когда прямо с парашюта на колени к Максусу падает какой-то чёрный комок, и тот от неожиданности подпрыгивает на месте.

– Не трогай его! – неосознанно кричу на весь пляж, подсакиваю на ноги и как сумасшедшая тычу пальцем то в Макса, то в маленького котёнка, которого он схватил за шкурку и с придиричивым видом рассматривает.

– Не трогай его! – повторяю, с угрозой в голосе. – Или я... или я за себя не отвечаю.

– Кого не трогать? – Макс переводит на меня скучающий взгляд и снова смотрит на котёнка, который жалобно мяучит, дёргая задними лапками. – Его, что ли?

– Не смей делать ему больно! – пытаюсь забрать малыша, но Яроцкий вскакивает на ноги и поднимает руку ещё выше – не дотянуться.

– Да успокойся ты, – смиряет меня взглядом. – Не буду я ему больно делать. Всего-то в море заброшу.

– Т-т-ты... ты...

– Шутка, – ухмыляется, выбрасывает не подкуренную сигарету в сторону и опускает котёнка на ладонь. – Прикинь, совсем меня извергом считает.

Опускаю руки и смотрю с недоверием:

– Ты с ним разговариваешь?

– Говорит, что я с тобой разговариваю, – посмеивается, а у самого глаза на мокром месте, после рассказа о Косте. – Ты

откуда вылез такой уродливый?

– Надо найти его маму, – вращаю головой, но вижу лишь свору собак вдали. – Нельзя его здесь оставлять. Они загрызут его.

– Почему до сих пор не загрызли – более актуальный вопрос, – проницательно замечает Яроцкий и получает от меня новый гневный взгляд.

– Не говори так.

– Да из подвала, наверное, вылез, – кивает на ближайшие заброшенные дома. – Надо отнести обратно.

– Куда? В подвал? – смотрю на него во все глаза. – Так. Ладно. Отдай его мне.

– И что ты с ним делать будешь? – задумчиво смотрит на котёнка, который сжался в клубочек у него на руках и глядит глазами-щёлочками, точнее – одним глазом, второй настолько воспалён, что даже не открывается.

Яроцкий вдруг разворачивается, запрыгивает на парапет и протягивает мне свободную руку, помогая подняться следом.

– Куда ты его несёшь? – шагаю к дороге и упрямо сверлю взглядом затылок. – Мы не можем его тут оставить! Он умрёт.

На тяжёлом вздохе разворачивается ко мне и смотрит, склонив голову набок так, будто я тут вообще несусветную чушь несу.

– Себе забрать его хочешь?

– Э-м-м... я бы забрала, но... отец вышвырнет его.

– Ну вот, – кивает Макс, будто поучает меня чему-то. Расстёгивает молнию на куртке, и прячет под неё котёнка. – Прокатимся, мелкий?

– Нет, мы не можем его в подвал... Что? Что ты сказал?

Протягивает мне шлем и вновь с такой теплотой улыбается, что скоро я сама в одну большую бабочку превращусь.

– Едешь, или сама доберёшься?

– Мы не можем привезти его в школу. – Надеваю шлем и сажусь позади Макса.

– Кто сказал, что мы едем в школу? – Заводит мотор и протягивает мне руку. – Кепку мою верни.

И смотрит с таким возмущением, что больше не выходит с собой бороться – не сдерживаю смеха даже после всей горечи, которую испытала, а улыбка Макса в это время гаснет, а взгляд каким-то замороженным становится, будто и не я позади него сижу, а кто-то более симпатичный и удивительный.

– На, – надеваю кепку ему на голову, лишь бы только этот неловкий момент закончился. Но он продолжается.

– Что? – спрашиваю смущённо.

– Впервые услышал твой смех.

Не знаю, сколько проходит времени, пока мы молча смотрим друг на друга. Неловкость проходит, а теплота всё больше разливается по телу, щекоотание в животе усиливается, а на коже вспыхивают мурашки и только где-то в глубине души одиноким колокольчиком звенит тревога «Не влюбляй-

ся, Лиза. Только не в него. Не влюбляйся».

Жалобное «мяу» слышится из-под куртки, и Макс первым отводит взгляд, заводит мотор и двигается с места.

Глава 4

– Это твой дом? – замираю на плиточном полу просторного холла дома Яроцких и собираюсь ещё раз повторить этот вроде бы глупый, но очень даже уместный вопрос, пока Макс запирает за нами дверь.

Видимо дело в том, что моё представление о доме – именно о доме, – где живёт семья, ассоциируется с такими словами, как: уют, тепло, свет. Но стоило переступить порог и по коже невольно мурашки побежали от неуютности, необходимости этого места. Элитный двухэтажный коттедж с большой прилегающей к нему территорией окружённой высоким забором, как и снаружи, так и внутри скорее выглядит так, будто выставлен на продажу.

Холл плавно перетекает в просторную гостиную, в которой практически нет мебели, за исключением дивана на крытого прозрачной плёнкой, торшера на высокой стальной ножке и журнального столика по центру, на котором пылится одинокий бокал. Широкие окна плотно завешаны тёмными шторами, а вместо люстры с круглых отверстий в потолке свисают провода.

Смотрю вверх, уверенная, что и в холле с освещением дела обстоят также, но нет – прямо над головой висит красивая хрустальная люстра и встроенные точечные светильники

разбегаются по периметру.

Делаю несколько робких шагов и замираю рядом с лестницей на второй этаж, но рука Макса вдруг падает на плечо и разворачивает меня в другую сторону.

– На втором этаже тебе ещё больше не понравится, – ведёт меня в противоположную от гостиной сторону и вскоре взгляду предстаёт ещё одно странное место дома Яроцких – кухня. Почему странная?.. Стол без скатерти для меня уже странно. Возможно, сейчас не модно прятать дорогие столешницы под невзрачными тряпочками, но никак не могу избавиться от мысли, что на этом «голом» столе, где от мрамора практически буквально веет холодом, какая-нибудь миленькая скатерть в цветочек точно не помешала бы. Нет – она бы просто спасла эту жуткую, необжитую кухню!

В раковине пара невымытых тарелок, и это определённо хорошо. Кто-то здесь ест, а значит, кто-то всё же живёт в этом доме.

Кто-то очень одинокий, судя по всему.

Взгляд падает на Макса, водружающего на дугообразную барную стойку пакет с товарами из зоомагазина, и внутри всё так неприятного сжимается, что хочется обнять себя руками, да покрепче. Или... или его обнять?..

Достаёт из-под куртки это маленькое пушистое создание, недавно побывавшее на безочередном приёме у лучшего ветеринара в городе, и чешет его за ушком. Почему на безочередном? Не думаю, что Яроцкий вообще знает, что такое

слово «очередь».

– Садись, – поднимает на меня глаза и кивает на один из стульев за круглым столом. За тем самым, который так хочется застелить чем-нибудь ярким и миленьким. Потому что обстановка больше склеп напоминает, чем чью-либо кухню.

– Подержи Бродягу, – стоило присесть, опускает котёнка мне на колени, который тут же принимается играть с пуговицей на пальто, а я в недоумении смотрю на Яроцкого, который уже занимается распаковкой пакета.

– Бродягу? – повторяю, будто ослышалась. – Ты не можешь его так назвать.

– Ладно, – простодушно пожимает плечами. – Чудовище, Блохастый, Упырь...

– Нееет!

Бросает на стол упаковку сухого корма и, фыркая, усмехнувшись, смотрит на меня.

– Нужно что-нибудь милое придумать. Посмотри, какой он хорошенький.

– Этот – нет, – продолжает распаковывать пакет.

– Это ты при мне так говоришь.

– Ладно, – взмахивает рукой. – Твои предложения?

– Ну... – смотрю на котёнка, сворачивающегося в клубок на моих коленях, и пытаюсь придумать ему достойное имя. – Он чёрный. Может, Дымок?

– Кто-о-о? – лицо Яроцкого кривится в отвращении. – Не повторяй это больше, ладно?

Раздражённо вздыхаю, почёсывая котёнка за ухом.

– Фрик, например, ему больше подходит, – заявляет Макс.

– Лучик? – выдаю, и рука Яроцкого замирает с поднятым над столом кошачьим лотком.

– Я просто подумала... – неловко прочищаю горло. – Что... что это было бы символично.

– Луч? – повторяет скептически.

– Нет – Лучик. Он ещё маленький.

– И ни разу не зелёный. Хотя можно...

– Даже не думай! – с угрозой.

– Ладно, – ставит латок на пол. – Забудем про покраску.

– Просто повтори – Лучик. Лу-чик. Это просто.

– Отстань.

Смеюсь, но тут же замолкаю под пристальным взглядом Яроцкого.

Странно как-то смотрит на меня. От ощущения этой дикой неловкости уже не знаю, куда и деваться.

И зачем вообще меня домой к себе привёз? Сказал, что только котёнка оставим и обратно в школу вернёмся.

«А ты и поверила, глупая.»

«А может и знала. Что значит – ещё более глупая.»

Смотрю через дверь на пустую гостиную, и жужжащий в голове вопрос вдруг сам озвучивается:

– У тебя ремонт? – Правда, в более мягкой формулировке.

– Нет, – Макс ставит передо мной стакан с соком и опускается на противоположный стул.

– А где... где вся...

– Мебель? – с расслабленным видом выдавливает в миску пакетик влажного корма, перегибается через стол, забирая у меня Лучика, и тыкает его мордочкой в еду, пока тот не начинает с аппетитом есть.

– Брата заставил забрать. – Смотрит на меня. – Мебель. Ему нужнее.

– Ярослав не живёт с тобой?

– Ярослав живёт в новой квартире со своей новой невестой. Ни о квартире, ни о невесте наш отец не знает. Так что если что – мебель я просто продал. Достала она меня, всё равно не нужна никому.

Наблюдаю, как притягивает к себе пепельницу из чёрного стекла и собирается подкуривать. Замирает, смотрит на меня, будто позабыв о моём присутствии, бросает не подкуренную сигарету в пепельницу и отодвигает в сторону.

– А Ярослав, он... – пытаюсь перевести тему.

– У нас с ним разные матери, – Макс, хмурия лоб, смотрит в сторону окна. – Отец пытался обеспечивать их с Ярославом, пока ему не исполнилось восемнадцать, затем предложил ему работу в своей фирме. Догадаться было не сложно, что отцу от старшего сына нужно.

– Почаще видеться?

Приглушённо усмехается и переводит взгляд на меня:

– Смешная ты.

– Что я такого сказала?.

Вздыхает, и вновь берёт в руку сигарету, принимаясь крутить её между пальцами:

– Ему наследник нужен. На меня можно не надеяться, а Ярослав его нафиг послал, как только получше соображать начал. Обида у него за мать. От денег папаши постоянно отказывался, матери подачки принимать запретил, ментом, чтоб его, стал... Ненавижу ментов.

– Я думала твой отец и Ярослав ладят, – осторожно поглядываю на Макса. – Прости, просто... просто я слышала ваш разговор в учительской.

– Знаю, – Макс откидывается на спинку стула и закладывает сигарету за ухо. – Я не могу жить в этом доме один, когда папаша в постоянных разъездах. Так что Ярик делает вид, что присматривает за мной, а я делаю вид, что ничего не знаю о его свадьбе. Нас это устраивает. Папаню и новую тётю-маму тоже устраивает, что им никто не мешает.

– Отец будет против свадьбы?

– Нет, – невесело ухмыляется. – Только против невесты.

– Почему?

– Потому что она на пять лет Ярика старше и у неё ребёнок есть. Не от Ярика, не сложно догадаться. А папаня наш... как бы это помягче выразиться – мудак.

– Понятно, – мямлю. Не ожидала, что Макс вообще со мной личным поделится. Как и не ожидала, то теперь смотреть на него ещё больнее станет.

– А где твоя мама? – «Ну и что это было, Лиза? Удачу

испытываешь?»

— Моя очередь, — говорит спустя паузу, складывает ладони в замок на столе и глаз с меня не сводит. — Ты ведь не за границей была?

— Мы не договаривались задавать вопросы по очереди.

— Можешь не отвечать, если не хочешь, — пожимает плечами. — Главное — не врать.

— Ты помешан на играх.

— Нет. Просто хочу узнать тебя получше.

— Для чего? — ожесточаюсь. Всё ещё не доверяю ему. Да и должна ли после всего?

Вздыхает и принимается раскручивать пепельницу на столе, будто просто не знает, чем ещё руки занять.

— Не ответишь, значит?

— Я была у бабушки, — ну вот и сдалась. — За пятьсот километров отсюда. Никакая это не заграница.

— И что ты там делала целый год?

— Ничего особенного.

Вновь взглядом, как рентгеном сканирует:

— А почему болезнь свою скрываешь?

— А почему не могу?

— Понять пытаюсь, зачем? — хлопает по пепельнице, чтобы та прекратила крутиться и ждёт от меня ответа.

— Доучиться нормально хочу. Жалости не хочу. Нормальной быть хочу.

— В каком смысле нормальной? — фыркает. — Такой же, как

и все? Это в твоём понимании «нормальная»?

– Не всем, как тебе, выделяться нравится.

Цинично улыбается:

– Выделяться тем, что мне плевать: кто и кем меня считать будет? Ладно... пусть тогда я ненормальным буду, уго-
ворила.

– Тебе не понять, – отвожу взгляд, кусая губу.

– А ты объясни.

– Людям незачем знать о том, что их, в принципе, не ин-
тересует. Общество слишком эгоистично, чтобы делиться с
ним своими проблемами, а затем изо дня в день видеть их
фальшивые сочувствующие улыбки. Всё, чего я хочу, это
спокойно доучиться.

– Со мной спокойно не получится, – усмехается, пораз-
мыслив.

– Моя очередь, – заявляю, делая вид, что не расслышала. –
Это ты порезал мой рюкзак?

– Я ведь тоже могу не отвечать, – склоняет голову набок
и продолжает слабо улыбаться.

– Значит ты. Напугать меня хотел?

– Это уже второй вопрос. Теперь я. Насколько всё серьёз-
но? – кивает на мою грудь.

Не отвечаю. Сам дал право не отвечать.

– За что ты всем мстишь? – задаю следующий вопрос.

– Насколько всё серьёзно? – повторяет требовательно.

Непонимающе сужаю глаза:

– Тебе-то что?

– Ответь.

– А историю болезни почитать не хочешь?

– Против не буду.

Невесело усмехаюсь и опускаю взгляд на свои руки, которые почему-то дрожат.

– За что? – спрашиваю тихо. – За что мстишь всем? Про меня можешь больше не объяснять, это я поняла. Но за что всем остальным? Сколько их было? Птичек. За что ты Полину в игру втянул?

– Потому что мне это было выгодно.

– Выгодно? – сужаю глаза и не сдерживаю мрачного смеха. – Её изнасиловали. Это тебе выгодно было?

Молчит. В глаза мне смотрит, а пепельница вновь с противным звоном на столе кружится.

– Это Оскар с ней сделал? – голос повышается. – Просто скажи.

– А что ты сделаешь, если скажу?

– Да, или нет? Просто скажи правду.

– Спроси у сестры. Она знает правду.

– Серьёзно? – фыркаю. – Она любит этого уроды! Даже если это он её изнасиловал, она...

– Если она его любит, то разве стала бы сопротивляться? – перебивает, и я замолкаю с приоткрытым ртом.

– Значит... не Оскар?.. – слабым шепотом.

Первым взгляд отводит:

– Скоро всё закончится.

– Я тебя не об этом спрашивала. Просто понять пытаюсь всё это... Тебя понять пытаюсь.

– Хочешь знать, за что? – поднимается на ноги и замирает напротив моего стула, одной рукой упираясь в его спинку, второй в столешницу. – За что я мщу им? Об этом ты спросила?

Выдерживает паузу, видимо подтверждения от меня ожидая, а у меня все слова закончились, стоило ему лишь подойти так близко.

– Хочешь пожалеть их? – спрашивает тихо. – Тех, кого Костик друзьями считал? Что, Лиза? Хочешь осудить меня? Потому что я больной на голову урод, раз порчу жизнь тем, кого Костик уважал, любил, друзьями считал?

Слабо качаю головой, сама не понимая, что ответить хочу. У меня нет ответа.

Лицо Макса перекошено от боли и злости. Вижу его так близко, чувствую, буквально сквозь себя его эмоции провожу.

– Почему молчишь? – головой качает. – Ты ведь хотела знать.

– Это... это сложно понять, – хрипло.

– Мне тоже, – болезненно улыбается. – Мне тоже было сложно понять, почему, когда Костик умер, ни одна тварь с ним попрощаться не пришла. Он один там лежал! В гробу. С заgrimированным какой-то хренью, распухшим лицом, мок-

рым от слёз его матери! Почему никто таким его увидеть не захотел, а? – шепчет вкрадчиво. – Почему жиртрест Романович, с которым Костян со второго класса одну парту делил, не пришёл с ним попрощаться? Когда этого жирного урода весь класс гнобил, Костик был единственным, кто на его защиту становился, рты всем затыкал! А стоило Костику в дерьмо вляпаться, в гроб попасть, так и забыли про него все. Добряк Костик нафиг никому не нужен стал! Он ведь мёртв уже, зачем время тратить на того, кто всё равно уже ничего не слышит, не видит. Не дышит! – Вздыхает и ещё тише произносит: – Не пытайся понять, Лиза. Всё равно не получится.

– Неужели... неужели вообще никто не пришёл? – себя будто со стороны слышу.

Макс выпрямляет спину и складывает руки на груди:

– Ни одна сука из тех, кого Костик другом считал.

– И поэтому ты им мстишь?

– Мщу? – горько усмехается. – Клетка – не гроб. Из неё выбраться можно. Но вот какого в ней сидеть, одному, без поддержки, без помощи... Потому что никто не придёт, никто не поможет. Сиди и душись своим одиночеством.

– И сколько их таких... было? Птичек, – языком с трудом ворочать удаётся. – Сколько до меня?

– Всего? Не знаю. Меня другие не волнуют. А тех, кто на Костяна забил – семь. Ты седьмая.

Опускаю взгляд и пытаюсь как-то переварить услышан-

ное.

– А Оскар и... и Паша? – спрашиваю.

– Десерт обычно напоследок оставляют, – отвечает небрежно, неверно истолковав мой вопрос, и шагает к окну, пока я провожаю его взглядом. – Ни один компромат Оскару жизнь не сломает, если его жизнь уже – полное дерьмо. А Чача... – И Макс не договаривает, но определённо есть что – чувствую.

– Я имела в виду... почему... почему они не пришли? – наблюдаю как Лучик бродит по кухне, исследуя новое жилище, и внезапно размытым становится – слёзы на подходе.

– Потому что трусы, – отвечает Макс, не задумываясь. – Я говорил тебе – Чача трусливый кусок дерьма. Ещё и лжец.

– Паша не мог не прийти! – для чего-то отстоять его пытаюсь. Не могу поверить, что Паша... тот Паша, каким я его знала, такой трус.

– Тогда почему не пришёл? Или я слепой, не заметил его просто? – Макс разворачивается ко мне, руки на груди складывает и смотрит пристально. – Не было на похоронах твоего Чачи. Может, у него спросишь, раз так и не поняла, какое он чмо?

И вновь слишком тихо становится. Эта тишина хуже любого шума, слишком давящая, слишком напряжённая.

Поднимаюсь со стула и говорю, не подбирая правильных слов, говорю, как думаю:

– Ты не на них зол. Ты на себя зол и на весь мир за ком-

панию. Только вот злость и обида никогда не принесут облегчения и друга твоего не вернут. И если Костя был таким, каким ты про него рассказываешь, он даже не пожалел бы тебя... Месть и жестокость не заслуживают похвалы.

Макс не отвечает. Даже не смотрит на меня.

– Я пойду, – говорю негромко и шагаю к выходу с кухни. – Позаботься о Лучике.

– Подожди, – но Макс преграждает дорогу. Не выглядит требовательно, а так... так будто просто не хочет оставаться один.

– Я в школу возвращаюсь.

– Недавно последний урок начался. Нет смысла.

– Я пойду.

– Останься, – шепчет.

– Зачем? – также тихо.

– Не знаю, – сглатывает, так что «чёрная птица» на шее тут же взгляд приковывает. – Просто... просто останься ещё ненадолго.

– Прости, но... – Боже, почему так говорить сложно? – Не думаю, что твоей девушке это понравится.

Не краснеть. Не краснеть. Только не сейчас, пожалуйста.

«Не отводи взгляд, Лиза. Не показывай, что его девушка каким-то левым боком тебя волнует.»

Не выдерживаю. Прячу глаза и чувствую себя полной идиоткой. А сердце-то как трепещет. Из-за него? Из-за Яроцкого?.. Даже после всего, что слышала?

– Говорят, что от любви можно сойти с ума... Буквально. Веришь в это? – мягким шёпотом и у меня колени дрожать начинают. От того, как близко стоит. От того, каким тоном говорит со мной. От того как смотрит. И добавляет: – Ты хотела знать: где моя мать?

– Нет, – лгу. Мне действительно интересно. Мне настолько интересно, почему в его доме так холодно, почему на стенах нет ни одного фото, почему... по каким вообще страшным причинам этот парень живёт здесь один. Ест один. Почему даже свет не включает. Почему все оставили его?

– Она бросила тебя? – нерешительно спрашиваю.

Болезненная улыбка, которую Макс пытается спрятать под маской безразличия играет на его губах, но в глазах не вижу того холода, который обжигал прежде. Той ненависти, с которой на меня смотрел, будто я ему кинжалом под дых ударила. Нет больше этого, пропало.

И только хуже теперь стало.

– Если расскажу, останешься?

«Нет. Нет, Лиза. Ты не останешься. Ты и так половину дня провела с тем, кого за километр обходить должна.»

– Как надолго? – Глупость моего вопроса подтверждает весёлый смешок Макса, который даже с умилением теперь на меня смотрит. Примерно с тем же, с каким смотрел на больного, страшненького котёнка, но это ведь котёнок, разве можно смотреть на него по-другому? Вот каким его взгляд ощущаю.

– Только ты могла это спросить, – не может прекратить улыбаться. – Будто я тебя запереть собираюсь, и принуждать к чему-то. Эй? Ты опять покраснела.

– Тебе кажется. – Если бы! Обхожу его сбоку и направляюсь к выходу.

Ловит меня за руку и разворачивает к себе.

– Пусти. – Да, мне страшно – себя боюсь. И он видит этот страх в моих глазах, потому что больше не улыбается, больше не выглядит расслабленно и слегка печально, теперь кажется... обессиленным. Одиноким. Ничем не лучше Лучика.

Всё ближе подходит. Скользит ладонью по руке, пока не находит мои пальцы и не переплетает со своими.

– Что... ч-что ты делаешь? – смотрю на него затаив дыхание. Руки – две ледышки, в то время когда спина уже взмокнуть успела.

– Не знаю, – спокойно, мягко. Шаг вперёд делает, а я не могу заставить себя назад отойти, или в сторону, я вообще ничего не могу. Только смотреть на него могу, слушать с каким грохотом в груди сердце бьётся, чувствовать, как кожа мурашками покрывается.

Вторую ладонь осторожно мне за шею заводит, касается кожи мягко, почти невесомо. Его руки тёплые, дыхание размеренное и глубокое... не то, что моё: на каждом судорожном выдохе обрывается.

Наконец включаются остатки разума: на слабых ногах от-

ступаю назад. Ладонь Макса падает с шеи, но вторая продолжает держать меня за руку. Шаг вперёд делает, и ловит за талию, когда я вновь отойти пытаюсь.

– Боишься меня? – шепчет с горечью.

– Нет. – И это правда. Себя боюсь.

– Не простишь никогда?

– Не знаю. – И это тоже правда. Во рту пересыхает, голова кругом идёт. – Зачем ты это делаешь? – качаю ею.

– Что я делаю?

– Ты знаешь, что. – Не могу озвучить. Спросить, почему за руку держит, почему глаз с моего лица не сводит. Язык спросить не поворачивается, это всё моя неуверенность в себе. Разве я могу нравиться ему? Я – мышь по сравнению с Вероникой.

Припадает лбом к моему лбу, скользит пальцами по шее, а я всем телом напрягаюсь, глаза зажимаю, но не могу и не хочу убегать, оттолкнуть его не могу. Хочу стоять так до бесконечности, хочу касаться его, хочу вдыхать его запах, чувствовать его тепло.

«Ты сошла с ума, Лиза. Это конец. Обратного пути нет.»

– Не помнишь, что мне в баре сказала? – шепотом скользит по губам, всего в сантиметре от моих замер. – Когда мне в шею дышала, и засыпала у меня на руках. Не помнишь?

– Нет, – приоткрываю глаза, предчувствуя катастрофу.

Макс беззвучно усмехается, а в глазах ещё больше печали появляется, вины и даже некоего сожаления.

– Костя сначала меня попросил с тобой в друзья поиграть, – будто с трудом это произносит, слегка отстраняясь. – И вот я думаю... а что было бы, согласишься я?

– Не понимаю, о чём ты...

– Понимаешь, – проводит ладонью по моей пылающей щеке, так что взлететь от ощущения хочется, куда-нибудь далеко, в космос желательно.

– Сейчас всё чаще думаю о том, как всё сложилось бы, если бы в тот день Костик уговорил меня, а не Чачу... Возможно, Костик не напился бы перед тем, как собирался признаться тебе в чувствах. Возможно, Чача не стал бы предателем. Возможно, им бы стал я... Что если бы им стал я?.. Чёртова история, в которой при любом раскладе не обошлось бы без разбитого сердца. Но, возможно, если бы твоим другом попытался стать я, карты легли бы иначе. Возможно, не было бы столько лжи. – Делает паузу и потом обрушивает, как снег на голову: – Возможно, ты бы до сих пор меня любила, Лиза.

Глава 5

«Как я могла любить такого козла, как ты?»

«Как я могла любить такого козла, как ты?!»

Боже... как я могла сказать это?! Как могла сказать об этом Яроцкому, тогда – в баре?!

Что делать теперь? Как от чувства стыда избавиться? Ког-
тями изнутри раздирает. Как вообще теперь в глаза ему
смотреть после такого?

Но смотрела ведь. Смотрела до этого дня. И целовалась с
ним когда... когда он знал, что в девятом классе я – идиот-
ка, – была по уши в него влюблена.

Паутина какая-то... липкая, запутанная. Костя был влюб-
лён в меня, а я была влюблена в его лучшего друга. Ещё и
Паша... Блин. Так вообще бывает? Почему я? Почему я ста-
ла центром этой истории?

А Яроцкий он знал... давно уже знал, ещё с той ночи, ко-
гда я в баре напилась. И молчал. Теперь уже глупо будет пы-
таться оправдываться. Да и нужны ли они... оправдания эти,
когда кожа до сих пор горит от его прикосновений, ласковый
шёпот шумит в голове, а лицо так и стоит перед глазами, этот
взгляд... Что-то изменилось, и чувствует моё сердце – ничем
хорошим это не закончится. Ни для кого из нас.

Хочется поскорее оказаться дома и с головой залезть под

одеяло, спрятаться.

Что я ответила Максy?

А что я могла ответить, кроме как смотреть на него огромными потрясёнными глазами и умирать от стыда?.. И ещё больше умирать от желания понять, почему он ТАК на меня смотрит. С горечью, с нежностью, с сожалением... Смелости заговорить так и не нашлось, а телефону Яроцкого хотелось сказать отдельное спасибо, за то, что так вовремя зазвонил. Оскар. Требовал встречи. Макс для чего-то даже это мне сказал, будто извиняясь, что мне так скоро придётся уйти.

А я даже на такси согласилась, которое он вызвал, ведь только так можно было избавиться от его общества, как можно скорее. Как можно скорее остаться наедине с собственными мыслями и попытаться разобраться в том, что чувствую. Почему избегать его – кажется самым здравым решением, но стоило обернуться, взглянув в заднее стекло такси, и странно горько стало. Будто... мы только что расстались, а я уже скучаю.

Взбегаю по лестничным ступеням и на ходу достаю из рюкзака ключи, как понимаю – оказаться в кровати под одеялом так быстро как хотелось, не получится.

Оскар ожидает меня на площадке между вторым и третьим этажами и светит практически налысо остриженной головой.

– Привет, солнышко, – бросает небрежно, подкуривая сигарету. – А я уже заждался. Не бойся. Просто поговорим.

– Что это значит? – пачусь на пару ступеней вниз и до боли в ладони сжимаю ключи от квартиры. – Почему ты не с Максом?

– А я должен быть с Максом? – подходит ближе и выпускает мне в лицо облако дыма. – С чего бы мне с ним видеться?.. Максюша совсем от рук отбился, с ним стало скучно.

– Но ты сам звонил ему, – спускаюсь ещё на несколько ступеней.

– Я? – протягивает с искренним недоумением. – Ты что-то попутала, солнышко. Максимка стал слишком забывчивым в последнее время, может и забыл, кто ему брякнул, а? Как и забыл о том... что мы с тобой, птичка ещё не доиграли. Но ты-то помнишь, правда?

– Уйди с дороги. Дай пройти.

– Не бойся, – гадко скалится. – Я тебя не обижу, солнышко. Заценила, кстати, мой новый причесон? Нравится? – поглаживает себя по ёжику коротких светлых волос и ещё больше скалиться начинает, опасно так. – Знаешь, кто меня на вечеринке твоей постричь решил? Не красиивый такой плешь оставил? Не знаешь? О, я расскажу тебе тогда. Иди ко мне, постой рядышком, – руку протягивает.

– Дай пройти! – пытаюсь контролировать дрожащий голос.

Раздосадовано вздыхает и делает новую затяжку:

– Пельмешкику привет передавай.

Зоя? Нет... Нет-нет-нет, только не это.

Зоя! Чёрт! Зачем ты этого урода морального трогала?!

– Так вот. О чём это я тут? – запускает руку в карман джинсов и протягивает мне хорошо знакомую открытку. – Мы с пацанами решили, что Максимке помощь нужна, вот, напрягли извилины, придумали тебе кое-что интересное. А то он сам, бедняга, уже не справляется, сливается по-тихому. Плохо ты на него влияешь, солнышко, очень плохо.

Набираюсь храбрости, отталкиваю его руку и пытаюсь пробежать мимо, но Оскар успевает перехватить, толкает меня в стену, впиваясь руками в плечи, и угрожающе шепчет прямо в лицо:

– Мне плевать, что там у вас с Яроцким происходит, поняла? Но пацанов обижать не надо, солнышко, они на тебя бабки ставят, сечёшь?

– Законы для всех одинаково писаны, – выдавливаю из себя по слову.

– Заяву на нас накатаешь? – откровенно насмехается. – Давай. А чё? Давай! Ты же знаешь, с кем связалась, чего тянуть-то? Вот только... – придвигается ещё ближе, – вопрос в том, кто из нас всех пострадает больше в этой ситуации: ты, я, или Максимка... с отбитой на хрен головой. А я вижу, ты этого не хочешь, правда, солнышко?

– Он... он же другом твоим был! Как ты можешь?!

– Дружба – гнилое понятие, – фыркает. – Дружба сдохла вместе с Костяном. Так что на-ка, бери открыточку и читай.

Глава 6

Дождь льёт стеной. Промокла до нитки, не один раз упала, ободрав ладони о гравий. Узкая дорожка, по которой бегу, круто виляет: то влево, то вправо, иногда резко обрывается вниз, так что с трудом успеваю затормозить, чтобы кубарем не покатиться до самого моря. Море... слышу, как оно шумит, соревнуясь в громкости с раскатами грома. Молния раскалывает небо на части кривыми линиями, вспышки ослепляют глаза, острые струи дождя бьют в лицо, толкают в плечи, вжимая в землю, замедляют движение. Порывы холодно-го ветра пронзают до самых костей. Бегу, стучу зубами, плачу, задыхаюсь, падаю, встаю, бегу дальше, зову его...

– Мааакс!!! – до хрипоты, до привкуса крови в горле. – Мааакс!!!

Мокрые волосы липнут к лицу, ещё больше видимость портят, стряхиваю их в стороны дрожащими пальцами, всхлипываю. Молюсь.

«Пожалуйста... Боже, пожалуйста, помоги мне его найти. Боже, прошу, пусть с ним всё будет в порядке. Прощу... Прощу тебя!!! Умоляю!!!»

– Мааакс!!!

Не замечаю обрыв, ноги соскальзывают вниз с не высокого холма, теряю равновесие, ударяюсь задом о мокрую зем-

лю, но боли не чувствую. Физической – нет. Боль, которую испытываю, разрывает изнутри, словно ножом живот вспарывает, добирается до сердца, калечит его.

«Господи... пожалуйста. Пожалуйста...»

– МАААКС!!!

Кубарем скатываюсь до самой пляжной полосы, ползу по гальке к морю.

И вижу его. Совсем рядом, недалеко от ледяных волн, разбивающихся о пустой берег. Нет никого кроме нас: меня, задыхающейся от рыданий, ползущей к нему, и Макса... мокрого, неподвижного, бледного. Галька под его головой окрашена в чёрный, руки раскиданы по сторонам, веки закрыты, лицо в крови, дыхание... Дыхание! Проверяю дыхание, дрожащими пальцами пытаюсь нащупать пульс, зову его.

– Пожалуйста... Дыши... Пожалуйста...

Уверяю себя, что дышит, хоть и не чувствую этого. Не могу нащупать пульс, не слышу сердцебиения.

Пытаюсь найти мобильный: у него, у себя... но не могу найти. Нет ни одного грёбаного телефона!

– Макс... – рыдаю ему в грудь. Хлопаю по щекам, прижимаю к себе. Умоляю. – Живи, прошу... Живи... Ты не можешь... Ты не можешь оставить меня!

«Они убили его... Убили»... – мысли кружатся в голове. Не хочу их слышать! Не хочу об этом думать! Макс не мог умереть! Он не мог оставить меня!!!

– Макс...

– Лиза?

– Макс... Пожалуйста... Не умирай. Пожалуйста!!!

– Лиза!!!

– Макс...

– Ты дура совсем, или что?! Никто не умер!!! Аллё.

Проснись уже! Давай!

Судорожный вдох жадно наполняет лёгкие кислородом. Резко распахиваю глаза, дышу, словно после долгого бега. Одежда насквозь от пота мокрая, а подушка, как и лицо – мокрые от слёз.

– С ума сошла? – Полина стоит надо мной и смотрит, как на душевнобольную. – Совсем котелок закипел, да? – головой качает, а у самой, как и у меня, лица нет. – По уши в этого придурка втрескалась. Нашла в кого.

– Кто бы говорил. – Прикусываю язык, жалея о сказанном. Сажусь, обнимаю колени руками и закрываю глаза. Дышать. Выровнять дыхание. Вот так... Всего лишь сон. Всего лишь кошмарный сон. Нужно возвращаться в реальность.

Смотрю на Полину и пытаюсь понять, почему она так жутко выглядит, если только что домой вернулась? Когда я пришла, её не было, а обычно моя сестра без туши на ресницах даже мусор вынести не может. А сейчас... выглядит, как бледная поганка. Без причёски, без макияжа.

Разворачивается и шагает к двери.

– Где ты была? – отбрасываю мокрое одеяло в сторону и шагаю за ней, слегка покачиваясь из стороны в сторону.

– Полина, я с тобой разговариваю!

– Отстань. Не сейчас.

– Как ты себя чувствуешь? Температура больше не поднималась?

– Я сказала: отстань!

– Где ты была, Полина?

– Да отвали ты от меня! – Полина хлопает перед моим носом дверью ванной и закрывается на замок.

Отлично.

У моей сестры круглогодичный ПМС.

– Что опять случилось? – приваливаюсь спиной к двери и сползаю на пол. – Полина? Что у тебя опять случилось?

– Не твоё дело!

– Где ты была? Разве не заболела?

Нет ответа.

– Скоро мама с работы вернётся. Её тоже посылать будешь?

– Отвали, я сказала!!! – орёт.

Какой-то стук, словно что-то полетело в стену, а следом раздаётся шум воды.

Лучше не бывает.

Возвращаюсь в комнату, освобождаю кровать от мокрого постельного белья, сажусь на голый матрас и потираю лицо ладонями. Руки дрожат... Вот, блин, приснится же такое. И всё как... как по-настоящему было, так ясно, так чётко... я даже плакала на самом деле, не только во сне.

Достаю из шкафчика открытку, врученную мне Оскаром, и сжимаю в ладони. Вновь горло будто тисками сдавливает, стоит вспомнить его слова, угрозы. Вряд ли Оскар шутил... «Закинулся» двумя таблетками прямо при мне, ещё раз напомнил, какая расплата ждёт меня за неподчинение, подмигнул напоследок и ушёл.

Таблетки – вот о чём я думала, когда домой вернулась. Теперь понятно, кто подсадил на них Полину. А ведь это не самое страшное, что может быть. Что если дружки Оскара на чём-нибудь посерьёзней «сидят»?.. Что если действительно могут Максу голову отбить? Что если это не просто угроза была?

Ещё и этот сон...

Я не знаю, что делать. Я в ужасе.

Беру телефон и в десятый раз открываю список контактов.

Не знаю, кому могу довериться. Кому позвонить, у кого попросить о помощи? Действительно страшно... за него. За Макса. А ведь злиться должна. С какой вообще стати переживаю, ведь он на свои же грабли наступил?

Не выполню четвёртое задание и нам обоим конец, так, да? Так сказал Оскар. Макс у них больше не главный, да и был ли им вообще?

Надо поговорить с Яроцким. Рассказать ему всё. Но у меня даже номера его нет. Да ладно, кого я обманываю?

«Скажешь ему хоть слово, и ваша следующая встреча с Максией состоится в больничке, поняла? Посетителем бу-

дешь ты. Всё, что нужно, я сам ему скажу». – По лицу Оскара видела – не шутит.

Как я до этого докатилась? Ещё недавно сам Яроцкий угрожал мне слитием видео с моим участием в сеть, а сейчас... сейчас мне угрожают здоровьем самого же куратора? Того самого, по чьей причине всё это происходит со мной!

Не хочу и не могу продолжать это.

Но продолжаю.

Может Светлаковой рассказать? Это ведь её друзья, её парень, пусть сама его защищает, почему я должна это делать? Почему?!

Утыкаюсь лицом в подушку и с трудом сдерживаюсь, чтобы не закричать во весь голос от безысходности, от этого жужжащего в груди чувства, которое на две части разрывает: «не могу всё так оставить» и «должна всё так оставить».

– Девочки, я дома! – раздаётся с коридора голос мамы, и у меня в голове как щелчок раздаётся. Тут же вскакиваю с кровати, подхватываю рюкзак и пихаю в него первые попавшееся под руку учебники, одежду, расчёску.

– Мам, а я наказана? – кричу. Если наказана, то умолять буду, чтобы отпустила.

– Эм-м... Что-то случилось? – Мама появляется в дверях и с явным непониманием на лице разглядывает мою прилипшую к телу, мокрую от пота футболку.

– Гимнастику делала, – вру. – Врач ведь сказал и дома упражняться.

– Ну... да, – мама хмурится.

– Я могу пойти к Зое? С ночёвкой? Лекарства с собой возьму.

Вздыхает и поджимает губы:

– Лиза, я не думаю, что после всего, что тут было, отцу понравится эта идея.

– Мам... – подхожу ближе и смотрю ей в глаза, с трудом сдерживая слёзы. – Мам... мне очень... очень-очень надо.

– Что случилось, Лиза? Плохо себя чувствуешь?

– Да! – выпаливаю. – То есть... нет, это не из-за сердца, честное слово. Просто... просто сложно всё. Просто отпусти меня к Зое с ночёвкой, пожалуйста. Мне очень нужно с ней поговорить.

Лицо мамы всё больше и больше наполняется беспокойством:

– Вы поссорились?

Ну вот почему так? Ведь я врать не хотела!

– Да. Я виновата, хочу извиниться, – но врать всё же приходится. – Как буду у неё, дам тебе с бабой Женей поговорить, хорошо? Она подтвердит, что мы всю ночь проведём дома и утром вместе пойдём в школу.

– Лиза... Я не знаю...

– Пожалуйста, мам!

Через полчаса я уже стою на пороге квартиры Зои, и та смотрит на меня в абсолютной растерянности, ведь я даже не предупредила, что к ней собираюсь. И прежде, чем моя

подруга успевает сказать хоть слово набитым блинчиками ртом, аромат которых распространился даже на лестничную клетку, я бросаюсь к ней на шею и даю волю эмоциям, чувствам и слезам.

Сперва с бабой Женей разговаривала моя мама, а спустя пятнадцать минут позвонил отец. В общем, родители удостоверились, что я под колпаком взрослого надзора и немного успокоились. Думаю, им сложно привыкнуть к тому, что теперь у меня есть подруга. Не друг, как Паша, к которому меня, разумеется, с ночёвками ни разу не отпускали, а настоящая подруга. И знаете, Зоя и вправду оказалась настоящей. Сперва я рыдала и душилась слезами с самого начала своего рассказа, а затем разревелась она и так резко бросилась обнимать меня, что вывернула на пол всю тарелку с выпечкой, принесённой бабой Женей.

– Почему раньше не сказала? – душила меня в объятиях. – Да я бы... я бы их всех... голыми руками порвала... Лиизааа... Лиизкаа...

– Всё в порядке, – теперь я её утешала. – Все, правда, хорошо.

– Чего врёшь?! – всхлипывала. – Ничего не хорошо... Лиизаа... как ты одна со всем этим... Ты... я... Блин! Лизааа...

Успокаивать Зою пришлось долго. Вот уж не думала, что эта девочка способна так расчувствоваться, и это лишнее подтверждение тому, как я ей не безразлична. Теперь люблю Зою ещё больше, теперь... когда она знает все мои секреты,

уверена, наша дружба станет только крепче.

Вечер выдался не из лёгких. Легли спать только под двенадцать ночи и ещё долго разговаривали, тихонько, чтобы бабу Женю не разбудить, чьё похрапывание даже через стенку слышно было.

– Не люби его, Лиз. Тебе нельзя любить такого, как он, – вдруг произносит Зоя, когда я уже в сон начала проваливаться.

– Я же сказала тебе, Зой, – шепчу, – я не люблю Яроцкого. Раз десять тебе уже сказала об этом.

– Раз десять, точно, – вздыхает. – Раз десять мне уже об этом соврала.

– Я не вру.

– Да ладно тебе, – разворачивается ко мне лицом и смотрит с пониманием, вижу, как в темноте блестят её глаза, так искренне, с таким беспокойством. – Ну, что я не вижу?.. Ты даже не злишься на него больше. И это после всего, во что он тебя втянул! Лиз?

– М?

– Тебе мало страданий в жизни? Вот честно. Только такого, как Яроцкий, тебе для полного комплекта не хватало.

– Да не влюбилась я, – закрываю глаза, и лицо его вижу. Кожа мурашками покрывается, стоит вспомнить, как целовал меня, обнимал, с какой теплотой смотрел.

– Ага... не влюбилась, – Зоя приглушённо усмехается. – Попала ты, подруга. Конкретно попала. Мегере это точно не

понравится.

– Я не собираюсь отбивать у неё парня.

– Понятное дело, что не собираешься, – вновь усмехается. – Зачем, если Яроцкий сам её вот-вот в лес свалить попросит? Эх, Лиз... угораздило же тебя. Такое, вообще, бывает? – Вижу, как переворачивается на спину и смотрит в потолок. – Костя, Паша, Макс... Только Оскара в себя ещё не влюбила.

– Сплюнь! – фыркаю. – Ты лучше скажи, зачем полезла к нему? Зачем... блин, Зой, ну вот чем ты думала, когда его постричь решила?

Зоя хмыкает, как ни в чём не бывало:

– Валялся на полу без сознания, вот и решила. Кайфанула по полной.

– Ага... теперь платить за это придётся.

– Я тебя умоляю!

– Тишшше.

– Да бабулю даже ядерный взрыв сейчас не разбудит, успокойся.

Вздыхаю.

– Разберёмся мы с этим Оскаром, не забивай голову, Лиз. Лучше думай, как игру эту дебильную закончить. Четвёртое задание – это ладно... придумаем что-нибудь. Но ведь ещё и пятое будет, да?

– Что ты с четвёртым придумашь? Зо-о-ой... ты читала вообще открытку?

– Двенадцать раз.

Не отвечаю. Поворачиваюсь к Зое спиной и вновь чувствую это проклятое жжение в глазах.

– Я не смогу это сделать, – шепчу сдавленно.

– Сможешь, – ещё и подбодрить пытается.

– Не смогу... Зой, я не смогу.

– Успокойся, говорю. У тебя ещё три дня в запасе, так?

– Так.

– Ну, вот и не думай об этом сейчас.

И вновь вздыхает. Так, будто я тут вообще глупости сплошные говорю.

– Это всё из-за Яроцкого... – шепчу, чувствуя, как из уголков глаз вновь слёзы сбегает.

– Ага! Всё из-за Яроцкого! Из-за Кости! Из-за Паши твоего! Тут если подумать, вообще полмира виновато. Лиз... ну чего реветь, а? Всё закончится рано или поздно. Потом будем с тобой вспоминать, как страшный сон.

– Не говори мне о страшных снах.

– Видишь. Ты не за себя боишься, а за Яроцкого.

– Это не так.

– Лиз... ну харэ, а? Мне-то можешь не врать. Влюбилась ты в него. А это значит, что не такой уж он и плохой, да? Ты ж не могла в законченного козла влюбиться?

– Я уже ничего не понимаю, Зой, – всхлипываю, и чувствую, как рука Зои поддерживающе похлопывает меня по плечу. – Наедине он... он совсем другой. Кажется... таким

сильным, грубым и в то же время ранимым, что хочется подойти и обнять. Словно... ему так этого не хватает. Простой поддержки, понимания. Ему больно, Зой, я это вижу.

– Да хватит реветь, – поближе придвигается и обнимает меня. – С игрой мы разберёмся, тоже меня, игроки хреновы. И с мегерой разберёмся... ты главное в чувствах своих разберись, Лиз. Яроцкий – последний человек на земле, за исключением Оскара, конечно, которого я бы тебе в парни пожелала, но, блин, подруга, сердцу ведь не прикажешь. Так что я готова принять даже этого говнюка, если ты готова. Хотя... бабуля говорит, что любовь – вообще нервное заболевание. И зарождается оно в мозге. Но ты-то не тупая, правда? Мозги у тебя как надо работают, значит, понимают, кого любить собираются, разве нет? А значит – Яроцкий действительно не такой уж и козёл. Так что... давай, прекращай лить слёзы, а то завтра придётся тонны косметики переводить, чтобы твои распухшие глаза загримировать. Да и вряд ли твоему Яроцкому это понравится.

– Спасибо, Зой, – переворачиваюсь к ней лицом и крепко обнимаю, продолжая плакать, как последняя идиотка. – Спасибо.

– Ооой... что же ты со мной делаешь, – хнычет Зоя, поглаживая меня по волосам. – Терпеть не могу все эти телячьи нежности. Бррр...

– Прости... – выдавливаю, приглушая рыдания.

– Да... сложно всё, – вздыхает Зоя. – Вот ты влюбилась

не вовремя, Лиз.

– Второй раз, Зоя. Снова.

– Вот говорила тебе не реветь. Всё равно видно, что глаза распухшие, – Зоя на ходу, потому что мы уже опаздываем в школу, обматывается полосатым шарфом и скептически смотрит на меня.

– Зой, я себя душой чувствую. Вот серьёзно. – Специально тащусь, как черепаха и не могу избавиться от этого жуткого чувства неловкости.

Сегодня Зоя меня вновь накрасила. Не так, как в прошлый раз, а вполне симпатично: пышные ресницы, бледно-розовый блеск для губ и немного румян, чтобы бледность скрыть. Но для меня даже всё это – уже слишком! Стоит представить, как одноклассники отреагируют и в холодный пот бросает.

– Зачем я только согласилась, – обречённо головой качаю.

Ещё волосы себе выпрямить позволила – Зоя заверила, что так мне будет гораздо лучше. Внешне может лучше и стало, но вот внутренние ощущения вовсе не трепетные. И хорошо, что мне хватило упрямства противостоять Зое в борьбе за выбор наряда! Второй раз разодеться, следуя вкусу Зои?.. Ничего личного, но нет уж, спасибо. Обошлась своими джинсами, полуботинками на плоской подошве и бледно-голубой рубашкой, которую Зоя настоятельно рекомендовала не застёгивать на первые две пуговицы.

– Ты выглядишь очень миленькой. – Вижу, что Зоя не просто подбодрить пытается, а действительно так считает. – Чем больше ты выглядишь, как ведро с помоями, Лиз, тем больше этим уродам тебя обидеть хочется, понимаешь? Следят они за тобой, говоришь?

– Тише, – круто разворачиваю к ней голову. – Ни слова, Зоя! Не дай Бог они узнают, что я тебе рассказала.

Фыркает:

– Успокойся, подруга. Я – могила. А ты... давай это... нос выше подними и покажи этим козлам чего стоишь! Пусть видят твою самоуверенность! Думают, что сломали тебя? Да ни фиги! Пусть подавятся собственной желчью. Пошли быстрее, чего еле тащишься?

– Слушай, а у тебя вообще бывает плохое настроение?

– М-м... не знаю, – пожимает плечами. – Не проверяла. О, смотри, – кивает в сторону «школьной курилки», – пыхтят, стоят.

Вот этого я и боялась больше всего – первым делом напнуться на самопровозглашённую элиту школы!

За одним из гаражей затягиваются утренними сигаретами Вероника Светлакова, её подружки – Алина и Оля, парень из параллельного класса, с которым я лично не знакома и... ну, разумеется – Яроцкий.

– Дыши, – шепчет Зоя, подхватывая меня пол локоть. – Выглядишь так, будто сейчас в обморок грохнешься.

Это она ещё не слышит, как у меня сердце в груди коло-

тится. И всё из-за него – из-за Макса.

«Не смотри на него, Лиза. Не смотри.»

С каких пор я не контролирую своё тело? Голова сама в его сторону поворачивается. И кто замедлил время? Почему каждый взмах его ресниц тянется целую вечность? Почему облако сигаретного дыма, выпущенного Яроцким, рассеивается так долго? Каждый жест, каждое движение...

– Лиза, – даже голос Зои звучит туманно, будто издалека. – Постоим, посмотрим, или может, в школу пойдём?

Чёрт.

Возвращаюсь в реальность и понимаю, что действительно стою на месте, как вкопанная, и таращусь на Яроцкого, в то время, когда вся его компашка озадаченно смотрит на меня.

– Так значит, это твоя кепка? – Зоя тянет меня к воротам. – Почему он её таскает?

– Багрянова! – долетает в спину голос Светлаковой. – Эй? Лиза!

– Мы её не слышим! – отвечает Зоя намеренно громко и тащит меня дальше.

– Зоя, ты тоже подойди, – весело усмехается Вероника, и подружки тут же её подхватывают.

Оборачиваюсь и смотрю на настолько же прекрасную, насколько и фальшивую улыбку Светлаковой. Больше не выглядит уставшей и неопрятной – королева школы вернулась во всё своём великолепии. Идеально уложенные, слегка за-

витые на кончиках, чёрные локоны искрятся в лучах холодного солнца, ярко-красные губы растянуты в игривой улыбке, глаза блестят двумя сапфирами, а кожа сияет, как алмазная пыльца. Вновь мини надела, вместо затасканных джинсов, кожаные сапоги на шпильке и твидовый жакет с меховым воротом.

«Вот, что значит – эффектно выглядеть», – мысленно усмехаюсь и вновь ловлю на себе взгляд Яроцкого: загадочный, такой пристальный, будто впервые в жизни меня увидел и понять не может, почему лицо такое знакомое. Так волнительно почему-то стало, внутри вновь бабочки запорхали, а стоило ему улыбнуться мне, аж дыхание перехватило.

– Так и будешь там стоять? Багрянова, ау!

С трудом отрываю взгляд от Макса и смотрю, как Вероника вопросительно выгибает брови:

– Мне на всю улицу кричать?

– Чего тебе? – Прочищаю горло, запускаю руки в карманы пальто и подхожу ближе, слушая раздражённое нытьё Зои, которая идёт-таки следом.

– Стой, – строго смотрит на меня Яроцкий, и я замираю на месте.

Забирает у Вероники сигарету и тушит ботинком, затем разворачивается к её свите и будто одним взглядом приказывает поступить так же.

– Да в чём дело? – возмущённо пищит Алина, когда Макс и у неё сигарету наглым образом выхватывает.

– Это что сейчас было? – в замешательстве протягивает Зоя, а я вообще без понятия, что ответить и как реагировать.

Зато Вероника вообще не теряется, покачивая бёдрами, ступает к Макс, берёт его под руку и с лицом сущего ангелочка опускает голову ему на плечо.

– Мы с Максом хотим пригласить вас двоих к нам на вечеринку. В следующую пятницу, – лепечет невинным голоском. – У меня будет день рождения. Вот, – запускает руку в лакированную сумочку, вытаскивает из неё два пригласительных перевязанных тоненькой атласной ленточкой и протягивает мне.

– Серьёзно? – тоном мертвеца протягивает Зоя, глядя на пригласительные так, будто ей личинок на обед подали.

– Ты тоже приглашена, Зоя, – давится улыбкой Вероника. – Ну? Берите, чего ждёте? Это будет лучшая вечеринка года! Мы с Максом обещаем.

Не двигаюсь. Одним взглядом пытаюсь дать понять Веронике, куда она может засунуть свои пригласительные. Потому что меня там точно не будет. И Зои тоже. Нечего нам делать в этом логове похоти и разврата.

– Кстати! – будто спохватывается Светлакова и, поджимая губы, качает головой. – Больше не выпрямляй волосы. Тебе реально не идёт. Хочешь, я помогу тебе с причёской перед вечеринкой? Одежду тоже могу одолжить.

Подружки её принимают хихикать, а я чувствую, как краснеть начинаю. И как обычно это бывает, остроумные

фразы для ответа придут ко мне не раньше, чем через часика два, но никак не вовремя.

– Приходите. Будет весело, обещаю, – Вероника трясёт рукой с пригласительными и многозначительно играет бровями, пока её подружки продолжают хихикать с моего раскрасневшегося лица.

– Чего раскудахтались? – шипит на них Зоя.

– Мы подумаем, – Макс выхватывает из руки своей девушки пригласительные, небрежно складывает пополам и прячет в задний карман джинсов. Разворачивает меня в обратную сторону, обнимая за плечи, и ведёт к воротам, пока Вероника с упавшими по швам руками и осунувшимся лицом смотрит нам вслед.

– Давай, – Макс стягивает у меня с плеч рюкзак и прежде чем до меня вообще доходит, что он делает, забрасывает себе на спину и кивает на школу. – Ну? – смотрит, будто в недоумении. – Идём учиться, или как?

– Вот это у неё рожа была! – злорадно посмеивается Зоя. – Надо было сфоткать!

Макс выдерживает паузу, резко выдыхает, так и не дождавшись от меня ответа, берёт за руку и заставляет, наконец, двинуться с места.

– Мне нравится твоя причёска, – кивает, улыбаясь, и я улыбаюсь в ответ.

Глава 7

10 класс

Сентябрь

– Я сказал: пропусти, – рычу сквозь зубы. Гляжу исподлобья, кулаки сжимаю: руки так и чешутся! Давай, сука! Давай, повтори ещё раз, чтобы я убирался, мне только в кайф тебе по роже съездить будет! Мне вообще насрать на всё! НА ВСЁ!!! И НА ТЕБЯ, СУКА!!!

– Иди домой, сопляк, – ржут с меня. Вышибалы чёртовы! Ну ладно! А я ведь просто выпить пришёл!

Просто выпить на хрен пришёл!!!

– ОТВАЛИ!!! ОТВАЛИ, СУКА! – Скрутили, твари, руки заломали.

– Спокойно, малый, сейчас до отделения прокатишься.

– Держи его! Вот резвый какой!

– Отпустите его! – какой-то знакомый голос бабский.

Ааа... Светлакова. Какого хрена тебе надо?

Этот лысый ублюдок толкает в спину, так что приходится проехаться животом по ступеням и ещё раз послать их в задницу: погромче, раз не понимают, да с интонацией.

– Мы вызовем полицию, Вероника Николаевна, заходите внутрь.

– Не надо никакой полиции, – трещит, будто я не слышу!

Овца. Если я пьян, это ещё не значит, что я глухой!

– Да он псих какой-то, Вероника Николаевна. Заходите внутрь. Мы сами разберёмся.

– Слышь, ты... – с трудом языком ворочаю. Шатаюсь, встаю на ноги и пытаюсь подняться по ступеням.

– Пропустите его, – Светлакова смотрит на меня взглядом своим стервозным. Что, жалко тебе такое дерьмо, как я? Сочувствие своё проявляешь? Да пошла ты...

– Пропустите, я сказала!

Подхватывает меня под руку и ведёт в бар своего папашки. Раньше меня и так пропускали. Меня, Чачу, Оскара и Костяна моего. Дружищу моего. Братишку...

– Эй? – чьи-то руки обхватывают меня за лицо.

– Чё те надо? – отталкиваю Светалкову в сторону и плетусь куда-то... по идее к бару, но что-то с трудом ориентироваться получается.

Что вообще с этим местом не так? И почему всё так кружится?

– Э-э-эй! Где тут бар?!! – кричу, вращаясь на месте с раскиданными руками.

– Пошли! – Опять Светлакова. Обнимает меня, будто я сам идти не в состоянии и тащит куда-то.

– Мы в бар? – кричу ей на ухо. Смотрит недовольно и губы свои красняющие поджимает. Красивая. Но стерва. А может и хорошо, что стерва. Стервам проще живётся. Стервам никто не нужен. У стерв есть они сами, а большего для счастья и

не надо!

– Так, да? Я прав?! – вновь кричу ей на ухо. – Или не прав?

– О чём ты? – смотрит едва ли не отвращением, толкает меня на что-то мягкое и приказывает сидеть на месте, пока она не вернётся.

– Это... а это не бар! – оглядываюсь по сторонам. Всё кружится, прыгает перед глазами, размазанное всё какое-то. Чёёёрт... Хреново что-то.

– Пей, – на столик передо мной опускается бутылка с водой, а Светлакова рядом присаживается. – Помочь?

– А?

– Помочь? – кивает на бутылку и морщится, так что между бровями впадинка вырисовывается; так и хочется её пальцем разгладить.

– Ты что делаешь?! – дёргается в сторону, отшвыривая от себя мою руку, а я глупо посмеиваюсь в ответ.

– Сколько ты выпил? – качает головой, вручая мне открытую бутылку с водой. Делаю глоток и фонтаном всё на пол выплёвываю.

– Фу. Безалкогольное, – отдаю бутылку обратно Светлаковой.

– Ну, да. Потому что это вода! Пей!

– Сама пей, – утыкаюсь лбом в столик.

– Яроцкий? – зовёт настойчиво. – Яроцкий?! У меня, думаешь, дел других нет, кроме как с тобой тут торчать?

– Ну, так проваливай. Чего расселась? – взмахиваю рукой

и роняю её обратно на стол.

Слышу, как шумно вздыхает, поднимается на ноги и обратно для чего-то садится.

– Я вызову тебе такси.

– Катафалк сразу.

– Не смешно.

– Согласен. Катафалк – вообще не смешной был, – отлипаю от столика и приваливаюсь к спинке дивана. Смотрю, как лицо Светлаковой раскачивается из стороны в сторону... Это её штормит, или меня?

– Сколько ты пьёшь?

– Сегодня, или вообще? – улыбаюсь ей.

– И в школу не ходишь, потому что пьёшь?

– Есть сигарета?

Открывает пачку и протягивает мне. Забираю всю пачку: одну сигарету зажимаю зубами, а пачку прячу в карман.

– Потом откуплю, – бурчу, ища по карманам зажигалку.

– Ты же не куришь, – головой качает, будто я бля*ь её жестоко разочаровал! – А, точно, – придвигаюсь к ней. – Дай подкурить.

Делаю затяжку и густо кашляю. Ещё затяжку, давлюсь кашлем, но продолжаю делать это – травить себя, будто кайф от этого получаю. Может и получаю.

– Ты ещё тут? – приваливаюсь обратно к спинке дивана и смотрю на Светлакову, красивую, как всегда, ухоженную. Как кукла пластмассовая.

– Не думаешь, что завязывать пора?

Роняю голову набок:

– У тебя смена началась, или что?

– Смена?

– Ночного психолога, – смеюсь с одной из самых своих тупых шуток, а *эта* всё больше лицо своё разукрашенное кривит.

– Мне жаль Костю, – и вдруг выпаливает. Очень не вовремя грёбаное своё сочувствие проявляет.

– Себя пожалей, – а у меня в голове даже как-то свежее становится. Она ведь даже не знала его... А все кто знал, так и вообще – твари последние.

– Просто свали, – откидываюсь затылком на спинку дивана и закрываю глаза.

– Посмотри в кого ты превратился, Яроцкий, – ещё и упрекать меня берётся. – Пьяный, жалкий, никому не нужный.

Перекатываю голову набок и, язвительно улыбаясь, смотрю на Светлакову из-под полуприкрытых век:

– Много у нас общего, да?

– Я не пьяная, – цедит.

– Да, но в остальном-то!

– Да что ты знаешь?

О, непробиваемую принцессу за живое задели?

– Можно не быть проницательным, когда всё лежит на поверхности.

Вероника холодно усмехается и складывает руки на груди, которую с трудом маленькая тряпочка прикрывает, не оставляя места для фантазий.

– Это я-то поверхностная?

– Типа того, – вновь вздыхаю. Говорить не просто сложно – говорить в принципе не хочется.

– Где твои друзья? – спрашивает.

– Друзья? – смеюсь. – Это ты о ком сейчас?

– Где Паша, Оскар? Давай я позвоню кому-нибудь из них.

Выхватываю у неё телефон и смотрю на заставку. Свою фотку поставила. Охренеть.

– Даааа... – протягиваю весело. – Да у тебя всё ещё хуже, чем кажется.

– Отдай.

– А то что? Охрану позовёшь? Давай, я не против.

Уходит куда-то. Думаю, что за теми шкафами у входа, но нет, возвращается в компании двух бокалов пива. Один опускает на столик передо мной, ко второму тут же прикладывается.

Долго не раздумывая – ну а чего добру пропадать, – хватаю второй бокал и практически залпом осушаю.

– Уже лучше, – хмыкаю и лезу в карман за бумажником. – Ладно, мне пора. Сколько?

– Что сколько? – смотрит в недоумении.

– За пиво наше сколько?

Фыркает, отбрасывая волосы за спину, и даже взгляда ре-

шает не достаивать:

– За счёт заведения.

– То есть за счёт кошелька твоего папаши, – достаю пару купюр и бросаю на стол. – Что? Кто-то впервые в жизни за тебя заплатил? Непривычное ощущение и всё такое? – продолжаю посмеиваться.

– А ты эти деньги сам заработал, ага, – цинично посмеиваясь, кивает на мой бумажник.

– Это – компенсация папаши в честь смерти моего друга, – прячу бумажник в карман. – Но без них я не напыюсь, увы.

– Да что с тобой не так? – головой качает.

– А с тобой? – поднимаюсь на ноги. Слегка ведёт в бок, но устоять на ногах удаётся всё же. – Иди, – киваю в сторону бара, – пора продлевать аренду друзей, а то обидятся ещё.

– По крайней мере, я не одна, – поднимается с дивана и с вызовом смотрит.

– Правда? – с горечью усмехаюсь и практически вплотную приближаюсь к Светлаковой. – А если у твоего папаши деньги закончатся, сможешь сказать то же самое? Хрен, да?.. Ты одна. Даже сейчас, в толпе людей... ты одна.

– Как и ты, – читаю по губам, и вдруг такое жгучее желание просыпается поцеловать их. Просто, чтобы забыться. Просто потому что плевать, с кем это делать. Просто потому, что две недели назад умер мой лучший друг, и мне, сука, нужно сделать хоть что-нибудь, чтобы не сойти с ума!

– Как и я, – отвечаю, накрывая губы Светлаковой своими.

– Доброе утро. Садитесь, – Николай Генрихович открывает журнал и просит старосту назвать отсутствующих. – Яроцкий!

– Здесь я.

– Молодец. Кепкуними!

Украдкой поглядываю, как Макс нехотя стягивает с головы кепку и небрежно ерошит волосы. Простой жест – ничего особенного, а у меня вновь всё внутри расцветает, а желание улыбнуться настолько велико, что приходится немедленно спрятаться за учебником математики и раз десять подряд пробурчать себе под нос название темы, которую проходить не раньше, чем в следующей четверти будем.

– У Багряновой праздник сегодня? – слышу, как перешёптываются девчонки со среднего ряда.

– Ничего такая, – кто-то из ребят замечает, и я ещё ниже сползаю на стуле.

– Итак! Васильев идёт к доске! – объявляет Николай Генрихович, и половина класса с облегчением вздыхает. – Остальные передают мне тетради с домашней работой.

– Давай свою, – не глядя на Макса, протягиваю ему руку и получаю лишь хлопок по ладони.

– Ты серьёзно? – глаза сужает, с насмешкой фыркает и прилипает к парте щекой. – Разбудишь, когда вся эта фигня закончится.

– Фигня? Мы на уроке, – шиплю.

– Ну. А я о чём? – зевает, прикрывая рот ладонью, и набрасывает на лицо кепку.

Что-то слабо ударяет по плечу и к ногам падает скомканный клочок бумаги. Оглядываюсь и вижу, как Вероника намекая кивает на записку.

«Попросись выйти в туалет. Надо поговорить», – написано в ней.

Хмуро смотрю на Светлакову, и та головой в ответ кивает, подгоняет.

Поднимаю руку и нехотя озвучиваю:

– Можно выйти?

– Урок только начался, Лиза.

– Мне срочно.

– У Багряновой недержание, – ржёт Кириллов.

– Сейчас у кого-то пожизненное нестояние случится!

– Смычкова!

– Я не в этом смысле, Николай Генрихович! – улыбается Зоя, пока весь класс обхохатывается с покрасневшего до самых ушей Саши Кириллова.

Через две минуты я уже стою в женском туалете второго этажа и жду, пока и Светлакова почтит его своим присутствием.

– Отпускать не хотел, – бросает с порога и захлопывает за собой дверь. Отстукивает шпильками по плиточному полу, замирает передо мной, отбрасывает за спину волосы и смот-

рит таким взглядом, будто я ей отчёт должна предоставить.

– Ну? – спрашивает, наконец. – Как всё с родителями прошло?

– Не делай вид, что тебя это интересует, – нехотя отвечаю. – Ты ведь не об этом поговорить хотела?

– Хм, – улыбается. – Смелее стала, да?

– О чём ты поговорить хотела?

Вздыхает спустя паузу:

– Всё о том же. Или забыла, что всё ещё в игре?

– Спасибо, но мне твоя помощь больше не нужна. – Обхожу её и направляюсь к выходу, но Вероника ловит меня за локоть и разворачивает к себе:

– Дура, я ведь и вправду помочь хотела!

– Спасибо. Я оценила. Родители тоже.

– Зато третье задание было зачтено.

– Зато моей сестре... – Заставляю себя замолчать и потираю переносицу подушечками пальцев. – Слушай, просто не лезь больше, ладно?

– Я не могу не лезть, пока мой парень в этом замешан.

– Твой парень был замешан в этом ещё до меня. Могла бы и раньше до него достучаться попробовать.

– Четвёртое задание уже получила? – тему переводит.

Молчу, лишь взглядом её сверлю, таким, что и без слов понятно – «Отцепись».

– Макс... он больше не говорит со мной на эту тему, – произносит слегка неловко. Складывает руки на груди и смотрит

вниз, отстукивая каблуком по полу. – Не знаешь почему? – смотрит исподлобья.

Пожимаю плечами и качаю головой:

– Нет.

– А что это за представление на курилке было? – холодно улыбается. – И куда он увёз тебя вчера?

Неужто ревность проснулась? Странно... а я думала: к такой, как я, такие, как Светлакова, ревновать не умеют. Собственной гордостью давиться будут, но ревность?.. Не-е-т, разве это возможно? Я ведь – никто по сравнению с ней, и Вероника это довольно доступно мне объяснить успела.

– Чего молчишь? – И даже улыбается, чтобы неуверенность свою скрыть. Слишком широко, слишком фальшиво. – Мне просто интересно.

– Тогда у Макса спроси.

Фыркает и отворачивает голову к окну:

– Разве не из-за четвёртого задания он тебя увёз вчера?

Тяжело вздыхаю:

– Я на урок пошла.

– Стой! – вновь меня за руку ловит, больно так пальцами предплечье сжимает, и вдруг опоминается, опускает руку и делает шаг вперёд. – Я просто переживаю за него, понимаешь? Оскар и остальные бесятся, зуб точат на него. И я просто не могу спокойно смотреть на это и ничего не делать. Макс должен дать тебе четвёртое задание, или... или ему и тебе конец, говорила об этом уже ни один раз!

Решаю, что лучше промолчать, чем врать. Плохо у меня дела с враньём обстоят, сразу расколет. А с другой стороны... может, стоит сказать ей?.. Вероника та ещё штучка, но за Яроцкого искренне беспокоится, вижу это, он – её уязвимое место. Единственный, кто может сорвать маску с лица ледяной королевы. Но как она поможет – вот вопрос. Так же как и в прошлый раз? В спину толкнёт, заставляя будет, чтобы я задание выполнила?.. Ну, это я и сама могу, не нужна мне такая помощь.

– Макс сказал мне не лезть, – шепчет практически жалобно. – Сказал, что сам с игрой разберётся. Только я же вижу – он не хочет! Наигрался!

– А разве ты не этого хотела? – хмурюсь. – Чтобы он из игры вышел.

– Да, но не так! – резко выдыхает и приближается практически вплотную. – Это из-за тебя всё. Да? Да-а-а... Пони-маешь это лучше меня. Что ты ему сказала? Что такого сделала, что он с тебя теперь глаз не сводит? Почему он игру на половине решил бросить? Из-за жалости? Жалко ему тебя? – Впивается пальцами мне в плечи. – Или у вас с ним уговор какой-то? Ха. Разумеется, уговор! С чего бы ещё ему с тобой тягаться! – Встряхивает меня. – Ответь мне! Я должна знать, Багрянова! Расскажи! Потому что Макс мне больше ничего не рассказывает. – Снова встряхивает. – Что у вас с ним за дела? Куда он возил тебя? Что задумал? Как с Оскаром разбираться собирается? – Встряхивает. – Что он тебе

рассказал? Как много? У вас есть план, да? Что он придумал?! Скажи мне, Багрянова!

– Хватит! – вырываюсь, сбрасывая с себя её руки, и пячусь к стене.

– Прости... – шепчет Вероника, спустя паузу, опускает голову и тяжело дышит. – Просто я... я, просто... Боже... Такое чувство, что я схожу с ума. Всё из-за игры... Всё из-за его мести. Если бы не ты... Если бы только не ты! Чёрт!.. Я боюсь за него. Боюсь того, что они могут с ним сделать. – Шагает к окну и упирается ладонями в подоконник.

– Хорошо, – выдыхает шумно. – Если ты должна быть рядом... Если это поможет вытащить его... Хорошо, Багрянова, будь рядом. Я отдам тебе его на время. И даже подыграю. – Разворачивается ко мне и смотрит с неприкрытой угрозой. – Но потом, когда это всё закончится, ты свалишь, поняла? Когда игра закончится, ты и близко к Максy не подойдёшь. Я спрашиваю: поняла?!

– Он – не вещь, – говорю тихо, – чтобы отдавать его на время.

– И это всё, что ты услышала?! – кричит и ко мне шагает. – Мы с ним уехать собираемся, об этом знаешь?! Нет? Макс не сказал тебе, что после окончания школы мы: он и я, свалим из этого города и забудем обо всём этом дерьме! Так что мой тебе совет, Багрянова: забудь о моём парне. Такая, как ты ему точно не нужна. Ты – удавка на его шее, не больше. «Сбросит» тебя и даже имени твоего не вспомнит. Чего

молчишь? Чего вылупилась?!

– Ты сама меня о помощи просила, – шепчу, равнодушно глядя в перекошенное от злости лицо Вероники, – а теперь я для тебя проблемой стала?

– Стала? – холодно усмехается. – Ты всегда была проблемой, Багрянова. С самого своего рождения!

Хлопок.

И только спустя несколько долгих секунд понимаю, что это моя рука взлетела в воздух. Что это моя рука только что отвесила Светлаковой пощёчину. Что это на её щеке останется красный след.

А трясёт меня.

А плакать мне хочется.

Медленно, кажется, что целую вечность, на алых губах растягивается острая улыбка, а в глазах вспыхивает ледяное пламя. Уверена – сейчас ответит, сейчас, ещё секунда, и в волосы мне вцепится, но нет... просто смотрит. Таким взглядом, который больше всякого удара ощущается.

– Знаешь, почему Макс никогда не выберет тебя? – усмехается ядовито. – Знаешь?.. Всё просто, Багрянова. Макс никогда не будет с той, кого до последней секунды своей жизни любил его лучший друг. Ты – живое напоминание о смерти Кости.

Хватит.

– Подумай об этом, Багрянова! – кричит мне в спину, когда я уже оказываюсь в коридоре и хлопаю напоследок две-

рю туалета.

Николай Генрихович поглощён разбором материала и даже взгляда меня не удостаивает, стоит вернуться в класс, зато чувствую, как Зоя глаз с меня не сводит и шепчет, когда прохожу мимо неё:

– Что случилось? Чего бледная такая? Мне пойти наказать мегеру? Вот сучка!

Не отвечаю, просто сажусь на своё место и утыкаюсь взглядом в учебник. Ни буквы, ни циферки разобрать не могу, от слёз всё плывёт перед глазами, а голос Светлаковой продолжает греметь в голове: «Ты – живое напоминание о смерти Кости». А следом слова Зои в мыслях вспыхивают: «Тебе мало страданий в жизни? Вот только такого, как Яроцкий тебе для полного комплекта не хватало».

Видимо, не хватало.

Видимо, я совсем идиотка...

Слышу, как хлопает дверь, как раздаётся стук каблуков...

– Что с твоим лицом, Вероника? – ахает её соседка по парте. – Что это такое?

– Замолчи, – шипит в ответ Светлакова, а я невидящим взглядом смотрю на страницу учебника, прячу лицо за волосами, вытираю мокрые глаза и продолжаю делать вид, что не замечаю, как всё это время Яроцкий пристально на меня смотрит.

Перед началом следующего урока меня позвал классный руководитель, чтобы узнать причину моего отсутствия в школе. Пришлось соврать, как и родителям – не очень хорошо себя чувствовала, голова кружилась, пришлось уйти. И либо Нине Эдуардовне до сих пор не донесли с кем и на чём я вчера уехала, либо она просто решила тактично промолчать. До поры до времени, разумеется, а точнее – до разговора с родителями. Не думаю всё же, что на мой побег с Яроцким кто-то станет закрывать глаза.

Уже после звонка вернулась на урок химии. Ни Макса, ни Светлаковой в классе не было.

Всю перемену перед третьим уроком Зоя компостировала мне мозги, пытаюсь выяснить, что произошло между мной и Вероникой, и едва ли не запищала от восторга, когда я тихонько пробурчала, что не сдержалась и вlepила ей пощёчину.

Чувствую себя из-за этого поганей некуда. Не знаю, как так получилось. И не важно, что она сказала, но я обязана была держать себя в руках. Чем я теперь лучше Светлаковой?

– По местам! – командует Наталья Ивановна и тяжело вздыхает, когда Макс и Вероника появляются в дверях класса. – Яроцкий... Как всегда. Без опоздания не можешь. Садитесь, чего встали? И кепку сними! Итак, продолжим!

Не успевает Макс опуститься на своё место, как хватает мою тетрадь, вырывает лист из середины и пишет:

«У тебя сколько сегодня уроков?»

Нет, это уже вообще не смешно.

Сминаю записку в кулаке и продолжаю смотреть в учебник английского.

– Эй? – шепчет, придвинувшись. – Я ведь и унести тебя отсюда могу.

– Что тебе от меня надо? – поворачиваю к Максусу голову. – Что? Чего ты добиваешься?

Протягивает руку и кончиком пальца убирает прядь волос с моего лба.

Отворачиваюсь, утыкаясь взглядом в парту.

– Просто прекрати всё это, – шепчу так тихо, чтобы он один услышал.

Вновь тянется к моей тетради. Выхватываю её у него из рук и запикиваю в рюкзак.

Хватит записок. Хватит всего этого. Только разборки с его девушкой мне не хватало. Трусиха ли я после этого? Да, она самая. Не вижу смысла бороться за того, кто так или иначе рядом не останется.

А он просто смотрит. Без злобы, без агрессии, без непонимания. Обычно.

– Вероника тебе всё рассказала? – решаю коротко и ясно прояснить ситуацию, пока Хромченко под диктовку Натальи Ивановны записывает на доске предложение на английском.

А Яроцкий по-прежнему молчит. Лишь смотрит, ведь это так просто.

– Она... она всё не так понимает, – пытаюсь говорить мягче и делать вид, что меня это ничуть не беспокоит. – Так что... так что всё. Ты понимаешь, о чём я.

«Почему молчишь? Почему смотришь? Ну же... скажи хоть что-нибудь, пока я сама себя снова грызть не начала!»

– Просто прекрати всё это, – бросаю напоследок и отвожу взгляд.

Уже спустя секунду Яроцкий подхватывает с парты шариковую ручку, следом тянет меня за руку, обхватив за запястье, и пока я тщетно пытаюсь освободиться, пишет на тыльной стороне моей ладони два слова:

«Не хочу».

Обводит надпись в ровный кружок, пока я смотрю на него затаив дыхание, и рисует расходящиеся по диаметру лучики.

Бросает ручку на парту, берёт меня за руку, переплетя пальцы, и не сводит глаз с моего застывшего в смешанных чувствах лица.

– После школы у ворот, – улыбается с той нежностью, против которой я так и не нашла оружия для защиты. Я как оголённые провода, когда он ТАК на меня смотрит – вот-вот искры от переизбытка эмоций полетят.

– Хорошо, – сдаюсь, продолжая зарывать себя всё глубже и глубже.

– Хорошо, – с теплотой повторяет Макс, сжимая мою руку всё крепче.

Глава 8

Прошлой ночью

– Ну и как там у Багряновой с предками? Нормально всё?

– Да, – с трудом разбираю, что Вероника там бормочет себе под нос.

– Расскажешь, куда возил её? Это по игре?

Не собираюсь отвечать.

– Поехали к тебе, – обнимает меня на заднем сидении такси и лезет целоваться. – Завтра в школу не пойдём.

– Нет. Ты едешь домой, – отворачиваюсь к окну, отвечая на этот вопрос уже раз тысячный за последний год. Я никого не привожу к себе домой.

Не приводил...

Лиза стала первой, кого мне действительно, по-настоящему хотелось видеть у себя, даже несмотря на то, во что мой дом превратился после развала семьи. А Лиза... не знаю, это не объяснимо. Кот – был лишь предлогом, чтобы остаться с ней наедине в доме, который она одним своим присутствием согрела. Это настолько странно и в то же время удивительно, что даже после её ухода, я чувствовал себя как никогда раньше спокойно, уютно. Лиза она... будто заражает всё вокруг своей чистотой, искренностью, невинностью... Чёрт, я буквально схожу с ума, когда она смущаться начинает. Это

что-то невероятное. Никогда не видел ничего более милого чем то, как она неловко отводит взгляд, кусает губу... Готов смотреть на неё вечность в эти моменты.

Не знаю, что со мной происходит. Я не планировал этого. Пытался не допустить. Но чем чаще её вижу, тем сложнее становится себя контролировать. Хочется обнять её, дышать её ароматом, целовать... нежно, осторожно. Смотреть в глаза и видеть, что я нужен ей, КАК я нужен ей... Но нужен ли? Зачем? Что ей делать рядом с таким, как я? Чёрт... я реально схожу с ума! Крышей еду! Игра, Вероника, Оскар! Лиза... Лиза... Лиза! Даже имя её хочется повторять до бесконечности...

– Ну, поехали к тебе... Маааакс...

– Нет. Я же сказал.

– Ну почему? – хнычет, надувая губу. Сегодня Вероника прилично выпила. А когда Вероника прилично выпьет, то становится похожа на приставучего щенка. Терпеть не могу находиться рядом, когда она в таком состоянии. Даже во время секса хрен пойми чего требует, а потом ещё обижается, словно я когда-либо давал ей обещание любить её до гробовой доски и выполнять все её прихоти. Чем дольше считает себя моей девушкой, тем больше требовать начинает. Это было предсказуемо, с каждым месяцем наш договор об отношениях без обязательств всё больше и больше превращается в пустые слова. Для неё.

Говорит, что любит меня. Дура. Клялась, что никогда это-

го не случится. Смеялась надо мной, когда предупреждал, чтобы не смела.

– Люблю тебя... – протягивает пьяным голосом, пока я помогаю ей вылезти из такси. Раз сто за вечер повторить это может, когда выпьет. – Почему ты не говоришь мне то же самое? Ты не любишь меня? – А вот это особенно повторять любит.

– Иди домой. Завтра поговорим, – открываю перед ней калитку дома Светлаковых.

– Вот так всегда, – запрокидывает голову и смеяться начинает. Опускается на тротуар и закуривает. – Мой парень меня не любит. Какая чёртова ирония! А кого ты любишь? М? Ну, скажи, давай, кого?

– Прекрати, – приседаю рядом и забираю у неё из рук сигарету. – Просто прекрати это.

– Почему? Правда глаза колет? – продолжает смеяться. – Ты ведь не любишь меня! Признайся, Яроцкий! Хотя да... о чём это я тут? Ты ведь этого и не скрываешь... Знаешь что... а ты козёёёёл, Яроцкий! Даааа... ты просто козёл, – достаёт из сумочки новую сигарету и подкуривает.

– Быстро ты всё забываешь, когда напьёшься.

– Зато я всегда помню, что ты – ко-зёл! Потому что не любишь меня. Всё, давай, вали к своей уродинке.

– Я никогда не обещал тебе этого, – вздыхаю, потирая шею ладонью.

– Знаю, – икает. – И я... Ик... Да и я вроде как тоже...

ик... не обещала. Но любовь, сука, злааа... Скажи? Тебе-то не знать!

– Хватит. Поднимайся.

Отталкивает от себя мои руки и едва ли на асфальт не падает.

– Не трогай меня. – Вижу, как из глаз слёзы капать начинают. – Знаешь, почему я напилась? А? Ни фига ты не знаешь, Яроцкий! Тебе только потрахаться от меня надо, а у меня... а у меня... чувства может к тебе... Понимаешь? Да хрен там! Что ты понимать можешь?! Тебе всегда плевать на меня было! Не то, что на Багрянову, да?

Забираю сигарету, подхватываю Веронику с асфальта и закидываю на плечо.

– Почему ты меня не любишь? – продолжает орать на весь район и по спине колотить. – Я хочу быть твоей настоящей девушкой! Настоящей! Она ведь не нравится тебе? Ответь мне! Скажи правду! Ты с ней только из-за игры целовался?!

Ставлю Веронику на ноги перед входной дверью, обхватываю лицо ладонями и заставляю посмотреть мне в глаза:

– Ты сама этого хотела. Я никогда... Ничего. Тебе. Не обещал!

– Знаю... – всхлипывает. – Но может... может попробуем по-настоящему? Хотя бы один раз? По-настоящему? Начнём сначала... Давай прямо с завтрашнего дня начнём?

– Иди домой, – открываю дверь её ключами. Разговор бесполезен, когда Вероника в таком состоянии. Завтра она даже

не вспомнит ничего.

– Ты бросаешь меня? – восклицает, когда я уже шагаю обратно к воротам. – Бросаешь, да?!

Тяжело вздыхаю и поворачиваюсь к ней:

– Я не могу тебя бросить, – развожу руками. – У нас и не было с тобой ничего. Секс – всё, что нас связывало. О, и только не делай вид, что для тебя это новость, ладно?!

– Да пошёл ты!!! – кричит с надрывом, бросая в меня сумочку. – Ненавижу!!! Катись к своей Багряновой! К уродинке своей! Вали!!! Иди с ней трахайся! Трахайся, пока она прямо под тобой не сдохнет!

Заставляю себя промолчать.

Боже... он один знает, сколько сил мне потребовалось, чтобы заставить себя промолчать.

– Я люблю тебяяя... – протягивает жалостливо мне в спину. – Вернись, Макс... Прости меня... Не уходи... Простиииии...

Глава 9

Случалось ли у вас так, что, даже зная ответ на заданный вопрос, из двух вариантов ответа вы осознанно выбирали неправильный?

Случалось ли у вас так, что поступки других людей, которые казались вам глупыми и безрассудными, внезапно становились самыми что ни на есть правильными, смелыми, окрыляющими?

Случалось ли у вас так, что именно там – во марке, беспросветном и пугающем, когда опускались руки, когда страх уступал место смирению, вы видели спасительный лучик света? Тот самый – единственный. Всё ярче и ярче... Ярче и ярче...

Сегодня мой свет был удивительно ярок.

Сегодня осознанно принятые глупые решения окрыляли.

Сегодня, зная верный ответ на вопрос... я выбрала не правильный.

Сегодня я поняла, что раньше никогда не любила Максима Яроцкого.

Только сегодня я поняла, что такое... любить.

– Привет, – сидит на мопеде, который одним своим видом

смех вызывает и протягивает мне шлем.

Я честно старалась выйти из школы пораньше, чтобы свидетелями нашей новой совместной поездки стало как можно меньше народа, но... вы же знаете, что такое закон подлости?

«Лиза, задержись ненадолго, надо обсудить вопрос о пропущенном тобою материале».

«Лиза, ну раз ты тут, протри доску, пожалуйста».

«О, вынеси заодно мусор, Лизонька».

«Конечно, Нина Эдуардовна».

«Пожалуйста, Нина Эдуардовна».

«До свидания, Нина Эдуардовна».

«Благодаря вам представление у школы будет отличным, Нина Эдуардовна».

Последнее в моей голове особенно эффектно прозвучало.

И если честно, стало настолько неловко ощущать себя звездой на новогодней ёлке под всеми этими пристальными взглядами, что собиралась плюнуть на обещание, сделать вид, что понятия не имею, кто этот парень на мопеде, пока... да, пока не увидела его улыбку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.